

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

РЕКОМЕНДУЕМАЯ РОЗНИЧНАЯ ЦЕНА: 79 РУБ.
РОЗНИЧНАЯ ЦЕНА: 14,90 ГРН, 14 900 БЕЛ. РУБ., 290 ТЕНГЕ

ИСТОРИЯ В ЖЕНСКИХ ПОРТРЕТАХ

26

A black and white portrait of Marina Tsvetaeva, a Russian poet. She has dark, wavy hair with bangs and is looking slightly to the left. She is wearing a dark jacket with a light-colored, possibly fur, collar.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

ОДИН ИЗ КРУПНЕЙШИХ ПОЭТОВ XX ВЕКА | САМОБЫТНЫЙ ХАРАКТЕР | ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА

DeAGOSTINI

3

7

11

16

18

22

24

28

СОДЕРЖАНИЕ

В общих чертах	
Под родительским крылом.....	3
Портрет на холсте истории	
Везде чужая.....	7
Отголоски имени	
Поэма длиною в жизнь	11
...Ее запомнили такой	
Загадка зеленых глаз	16
У всех на устах	
Цветаева в творчестве и в жизни.....	18
Сама за себя	
Стихами и прозой.....	22
Были и небылицы	
«Чужбина, родина моя!»	24
Личное счастье,	
или За семью печатями	
Сломанные судьбы	28

Иллюстрации предоставлены: Переделкина Е.Ю. © Фото «ИТАР-ТАСС»: 3: (верх.) © Фото «ИТАР-ТАСС»: (ниж.) © Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»: 4: (верх.) © Сергей Смирнов/Фотобанк Лори: 4-5: (верх.) © Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»: (ниж.) © Фото «ИТАР-ТАСС»: 5: (центр) © Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»: 6: (верх., прав.) © Фото «ИТАР-ТАСС»: (центр) © РИА «Новости»: (ниж.) © Fine art/EastNews: 7: (верх.) © Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»: (ниж.) © Fine art/EastNews: 8: (верх.) © РИА «Новости»: 9: (верх.) © Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»: (центр) © РИА «Новости»: (ниж.) © Fine art/EastNews: 10: (верх.) © Владимир Верещагин/РИА «Новости»: (ниж.) © Фото «ИТАР-ТАСС»: 11: (верх.) © Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»: (ниж.) © Фото «ИТАР-ТАСС»: 12: (верх., лев.) © Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»: (ниж.) © Fine art/EastNews: 13: (ниж.) © Александр Устинов/РИА «Новости»: 14: (верх.) © Fine art/EastNews: (центр) © РИА «Новости»: (ниж.) © Fine art/EastNews: 15: (верх.) © Fine art/EastNews: (центр) © Владимир Чиннов/Фотобанк Лори: 17: © Fine art/EastNews: 18: (верх.) © 18: Рыбачий/Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»: (ниж.) © Фото «ИТАР-ТАСС»: 19: (ниж., лев.) © РИА «Новости»: (верх., прав.) © Петрус/РИА «Новости»: (центр) © РИА «Новости»: 20: (верх.) © Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»: (ниж.) © Т. Полон/Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»: 21: (верх.) © Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»: (ниж.) © Шоломович/РИА «Новости»: 22: (верх.) © Александр Устинов/РИА «Новости»: (центр) © Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»: 23: (верх.) © Фото «ИТАР-ТАСС»: (ниж.) © Fine art/EastNews: 24: (верх.) © Борисов Лорд/Фотобанк Лори: (ниж.) © Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»: 25: (верх.) © Fine art/EastNews: (центр) © Fine art/EastNews: (ниж.) © Фото «ИТАР-ТАСС»: 26: (верх., лев.) © Fine art/EastNews: (верх., прав.) © Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»: (ниж.) © Fine art/EastNews: 27: (центр) © Н. Михаловский/Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»: (ниж.) © А.А. Фисал/Фотобанк Лори: 28: (верх.) © Fine art/EastNews: 29: (верх.) © Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»: (центр) © Сергей Смирнов/Фотобанк Лори: 30: (верх.) © Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»: (центр) © Fine art/EastNews: 31: (верх.) © Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»: (центр) © Fine art/EastNews.

Библиография:
 Белкина М. И. Скрепление судеб: Пытка Цветаевой, двух последних лет ее жизни. Пытка детей ее. Пытка времени. М.: Книга, 1988;
 Лоская В. К. Марина Цветаева в жизни: Воспоминания современников. М.: ПРОЗАИК, 2011;
 Макаренко С. А. Цветаева и Сергей Эфрон. Судьба Ариадны. М.: Алгоритм, 2007;
 Разумовская М. А. Марина Цветаева: Миф и действительность. М.: Радуга, 1994;
 Саакянц А. А. Марина Цветаева: Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1997;
 Цветаева М. И. Господин мой — время... / Сост., подгот. текста и комм. А. Саакянц, Л. Мухина. М.: Вагриус, 2003;
 Цветаева М. И. «Мне казалось, я иду по звездам»: Воспоминания, письма, дневники. М.: Текст, 2004;
 Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост.: Анна Саакянц, Лев Мухин. М.: Эллис Лак, 1994;
 Шегидер В. А. Быт и бытие Марины Цветаевой. М.: Интерпринт, 1992;
 Шегидер В. А. Марина Цветаева. М.: Молодая гвардия, 2004 (Сер. ЖЗЛ);
 Эфрон А. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери. М.: Советский писатель, 1989.

«История в женских портретах»

Еженедельное издание

Выпуск № 26, 2013

РОССИЯ

Издатель, учредитель, редакция: ООО «Де Агостини», Россия
 Юридический адрес: 105066, г. Москва, ул. Александра Лукьянова, д. 3, стр. 1. Письма читателей по данному адресу не принимаются.

Генеральный директор: Николаос Скилакис

Главный редактор: Анастасия Жаркова

Выпускающий редактор: Варвара Степановская

Финансовый директор: Наталия Василенко

Коммерческий директор: Александр Якутов

Менеджер по маркетингу: Михаил Ткачук

Менеджер по продукту: Ольга Андина

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
 в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
 технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

П/И № ФС77-47792 от 16.12.2011

Адрес для писем читателей: Россия, 105066, г. Москва, а/я 13,

«Де Агостини», «История в женских портретах»

Распространение: ООО «Бурда Дистрибушн Сервисиз»

Уважаемые читатели!

Для вашего удобства рекомендуем приобретать выпуски
 в одном и том же киоске и заранее сообщать продавцу
 о вашем желании покупать следующие выпуски коллекции.

Для заказа пропущенных номеров обратитесь
 в интернет-магазин DeAgostini на сайте www.deagostini.ru.
 По всем остальным вопросам о коллекции смотрите информацию
 на сайте www.deagostini.ru или обращайтесь по телефону
 бесплатной «горячей линии» в России: 8-800-200-02-01
 Телефон «горячей линии» в Москве: 8-495-660-02-02

УКРАИНА

Издатель и учредитель: ООО «Де Агостини Паблшинг», Украина

Юридический адрес: 01032, Украина, г. Киев, ул. Сакаганского, 119

Генеральный директор: Екатерина Клименко

Свидетельство о государственной регистрации печатного СМИ

Министерства Юстиции Украины КВ № 18581-7381Р от 25.01.2012 г.

Адрес для писем читателей: Украина, 01033, г. Киев, а/я «Де Агостини»,
 «История в женских портретах». Украина, 01033, м. Київ, а/с «Де
 Агостіні», «Історія в жіночих портретах»

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам
 о коллекции заходите на сайт www.deagostini.ua,
 по остальным вопросам обращайтесь по телефону
 бесплатной «горячей линии» в Украине:

0-800-500-8-40

БЕЛАРУСЬ

Импортер и дистрибутор в РБ: ООО «Росчерк»,
 220037, г. Минск, ул. Авангардная, д. 48а, литер 8/к,
 тел./факс: +375 17 2-999-260

Адрес для писем читателей:

Республика Беларусь, 220040, г. Минск, а/я 224,

ООО «Росчерк», «Де Агостини», «История в женских портретах»

Телефон «горячей линии» в РБ: + 375 17 279-87-87 (пн-пт, 9.00–21.00)

КАЗАХСТАН

Распространение: ТОО «КП «Бурда-Алатау-Пресс»

Рекомендуемая розничная цена: 79 руб.

Розничная цена: 14,90 грн, 14 900 бел. руб., 290 тенге

Отпечатано в типографии: ООО «Компания Юнивест Маркетинг»,
 08500, Украина, Киевская область, г. Фастов, ул. Полиграфическая, 10

Тираж: 185 000 экз.

Издатель оставляет за собой право изменять последовательность
 номеров и их содержание.

Издатель оставляет за собой право увеличить рекомендуемую цену
 выпусков.

Неотъемлемой частью каждого выпуска является приложение –
 открытка с изображением героини выпуска.

© ООО «Де Агостини», 2012–2013

ISSN: 2305-3984

Дата выхода в России: 18.07.2013

▲ Портреты родителей Марины Цветаевой Ивана Владимировича и Марии Александровны. 1889 год

ПОД РОДИТЕЛЬСКИМ КРЫЛОМ

Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Марина Цветаева

▼ Марина Цветаева вспоминала, что ее мать, Мария Александровна, была уверена, что родится мальчик, и даже придумала ему имя – Александр. Однако мечтам так и не суждено было сбыться. В семье Цветаевых появились на свет две замечательных дочери. На фотографии будущей поэтессе один год

Творчество Марины Ивановны Цветаевой пришлось на первую половину XX столетия. Этот период в истории литературы включает в себя и эпоху Серебряного века русской поэзии. Цветаеву часто называют не поэтессой, а Поэтом, с большой буквы. Тяжелые события ушедшего столетия, сломанные жизни, годы эмиграции, возвращение на такую близкую и ставшую такой чужой родину... Судьба была Цветаеву, нанося всё новые и новые удары, но, что бы ни происходило в жизни, Марина Ивановна продолжала писать.

Со стихами она не могла расстаться до самого последнего вздоха. Проникновенные, наполненные тоской, романтизмом, трагедией, правдой и вымыслом, они стали классикой русской литературы. Однако так было далеко не всегда.

Долгие годы произведения Цветаевой в Советском Союзе были запрещены. Ее семья не раз оказывалась за чертой бедности. При этом происхождение поэтессы, как и первые годы ее жизни, обещали девочке совсем иную судьбу...

У истоков

Мария Александровна Мейн, мать будущей поэтессы и писательницы, происходила из обеспеченной семьи. Бабушка по материнской линии Мария Лукинична Бернацкая была представительницей старинного, правда, обедневшего польского дворянского рода. Мария Александровна ее не помнила, так как Мария Лукинична умерла вскоре после рождения единственной дочери. Дед Цветаевой, Александр Данилович Мейн, был родом из остзейских немцев и имел примесь сербской крови. Человеком он был достаточно богатым; к моменту замужества дочери занимал должность директора Земельного банка. Рано потеряв мать, Мария Александровна воспитывалась отцом и гувернанткой-швейцаркой Сусанной Давыдовой, которую звала тетей. Марина Цветаева вспоминала, что Сусанна Давыдовна часто появлялась в их с сестрой детской жизни, девочки звали ее Тьо. Гувернантка была чрезвычайно предана своей воспитаннице и ее отцу. В дальнейшем Александр Данилович с Сусанной Давыдовой обвенчались.

Мария росла в одиночестве, в мире книг и музыки. Она была незаурядной, одаренной личностью, хорошо знала литературу и историю, свободно владела четырьмя европейскими языками, у нее были неплохие способности к живописи. Главной же страстью стала музыка. Девушке прочили карьеру известной пианистки, но путь «свободной художницы» в семье с консервативными взглядами оказался неприемлем. Мария смирилась – как смирилась и с ранней несчастной любовью. В семнадцать лет она полюбила женатого человека, и чувство было взаимным. Однако отец, не признававший разводов, запретил дочери встречаться с возлюбленным. Роман был окончен... Долгие годы Мария Александровна будет вспоминать свою девичью любовную историю. Разочарование следовало за разочарованием, и от се-

мейной жизни молодая Мейн не ждала ничего хорошего. Что побудило ее выйти замуж за человека, вдвое ее старше и имевшего детей от первого брака, остается загадкой. Вполне возможно, что ею двигало желание посвятить свою жизнь осиротевшим малышам.

Отец будущей поэтессы, Иван Владимирович Цветаев, родился в семье сельского священника. Детство его прошло в глубокой бедности. Цветаев, как и его три брата, окончил духовную семинарию и призван был стать священником. Однако в девятнадцать лет его жизнь резко изменилась. Осенью 1866 года Иван поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где и нашел свое призвание. В полученном дипломе говорилось о «правах и преимуществах» присвоенной ему степени кандидата, а это означало переход Цветаева из духовного сословия в дворянское. За свои заслуги молодой человек был удостоен золотой медали, его оставили при университете для подготовки к профессорскому званию. Несколько лет он провел в заграничной командировке: изучал древние итальянские языки и был одним из первых в этой области. В Италии в его судьбе произошел еще один переворот: он страстно увлекся миром античности. Ученого интересовала не только филология, но и изобразительное искусство. Возможно, именно тогда зародилась идея создания музея, которая станет целью его жизни.

В 1877 году Иван Цветаев становится доцентом по кафедре римской словесности Московского университета. Спустя несколько лет он уже заведует гравюрным кабинетом. С 1881 года Цветаев работал в Московских публичном и Румянцевском музеях, в 1888 году получил назначение профессора истории искусства Московского университета. С 1900 по 1910 годы был директором Румянцевского музея. Однако делом жизни Ивана Владимировича стало открытие Музея изящных искусств имени императора Александра III при Московском императорском университете (сегодня – Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина).

Первой женой Цветаева была Варвара Дмитриевна Иловайская, они прожили вместе десять лет. От этого брака родились дочь Валерия и сын Андрей. Варвара Дмитриевна скончалась вскоре после рождения второго ребенка. Пережив самое тяжелое после утраты время, Иван Владимирович осознал, что нуждается в спутнице жизни, которая могла бы заменить детям мать. Спустя год после кончины первой супруги он женится на Марии Александровне Мейн.

▲ Мария Александровна старалась вложить в дочерей как можно больше, пыталась расширить их духовный мир – будто боялась чего-то не успеть, предчувствуя скорую смерть. На фотографии – Анастасия и Марина Цветаевы, 1905 год

◀ Лето семья Цветаевых проводила на даче в Тарусе. На снимке: Музей семьи Цветаевых в Тарусе. Современный вид

► Иван Владимирович Цветаев в мундире Почетного опекуна. Это звание Цветаев получил за создание Музея изящных искусств имени императора Александра III. 1912 год

▼ Отец Марины Цветаевой Иван Владимирович с сыном от первого брака Андреем. Репродукция, 1907 год

Позже Марина Цветаева будет вспоминать, как в их дом приходили два дедушки – Мейн, «свой», и Иловайский, родной Валерии и Андрею.

Детские годы

26 сентября (8 октября) 1892 года в Москве, в доме в Трехпрудном переулке, родилась Марина Ивановна Цветаева. Появление дочери стало неожиданностью для ее мамы: Мария Александровна была уверена, что родится сын. Вот как напишет об этом сама Цветаева: «Когда вместо желанного, предreshенного, почти приказанного сына Александра родилась только всего я, мать, самолюбиво проглотив вздох, сказала: "По крайней мере, будет музыкантша". Мечте Марии Александровны о сыне так и не суждено было сбыться. Спустя два года у нее вместо "ожидаемого" Кирилла родилась еще одна дочь, Анастасия, которую в доме называли Асей».

Сестры росли вместе со сводными братом и сестрой, которым Мария Александровна старалась заменить мать.

Детские годы Марины Цветаевой прошли в доме в Трехпрудном переулке и на даче рядом с Тарусой, которую семья снимала на лето. Жили Цветаевы неплохо, как и многие семьи их круга: в доме имелись и гувернантки, и кухарки, и садовники. Однако, несмотря на обилие прислуги, Мария Александровна предпочитала заниматься детьми сама.

Мать хотела, чтобы девочки воплотили ее несбывшуюся мечту и стали «свободными художницами». Заниматься музыкой Марина начала, когда ей не было и пяти. Малышку заставляли играть на рояле по четыре часа в день. Ася, болезненный, младший в семье ребенок, подвергалась менее суровым воспитательным мерам. Марина, подававшая большие надежды, всегда остро ощущала, что ее любили меньше: «Я у своей матери старшая дочь, но любимая – не я. Мною она гордится, вторую – любит». Обладая хорошими музыкальными способностями и абсолютным слухом, девочка добросовестно выполняла задания матери за роялем, но удовольствия от этого не испытывала.

Однако, вопреки надеждам матери, Марина больше тяготела к словам и рифмам, чем к музыке. Сама она вспоминала, что читать начала с четырех лет, а писать – с пяти. Маленькая Марина любила рифмовать слова. Мария Александровна писала в дневнике: «Моя четырехлетняя Маруся ходит вокруг меня и всё складывает слова – в рифмы, – может быть, будет поэт?». Чтобы исправить ситуацию, девочке запрещали брать в руки бумагу и карандаш.

«Все моё детство, все дошкольные годы, вся жизнь до семилетнего возраста, всё младенчество – было одним большим криком о листке белой бумаги. Подавленным криком», – вспоминала позже Цветаева.

Мария Александровна старалась вложить в детей как можно больше духовного с первых же лет их жизни. Мать читала девочкам серьезных, совершенно не детских авторов, таких как Шекспир или Данте. Она как будто боялась не успеть дать девочкам всё, что могла, предчувствуя свою скорую смерть. Марина Ивановна вспоминала: «О, как мать торопилась с нотами, с буквами, с "Ундидами", с "Джейн Эйрами", с "Антоними Горемыками", с презрением к физической боли, со Святой Еленой, с одним против всех, с одним – без всех, точно знала, что не успеет, так вот – хотя бы это, и хотя бы еще это, и еще это, и это еще. Как уплотняла нас невидимостями и невесомостями, этим навсегда вытесняя из нас всю весомость и видимость. И какое счастье, что это всё было не наука, а Лирика... Мать поила нас из вскрытой жилы Лирики, и этого не могло быть слишком, потому что оно само слишком, весь излишек тоски и силы, излишек силы, идущей в тоску, горамидвигающую!».

Между тем девочек воспитывали в довольно жесткой манере. Мария Александровна редко поощряла младших членов семьи: тоска, разъедавшая ее изнутри, скрывалась за внешней холодностью. Цветаева вспоминала, как после редкого «молодец» Мария Александровна всегда добавляла: «Впрочем, ты ни при чем. Слух – от Бога», «Твое – только старание, потому

«КРАСНОЮ КИСТЬЮ...»

Марина Цветаева родилась в день, когда православные празднуют день апостола Иоанна Богослова. О дате своего рождения, 26 сентября, Цветаева в 1916 году напишет стихотворение:

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и донине
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

что каждый Божий дар можно загубить». Мать всеми силами стремилась внушить девочкам простое отношение к материальным благам: Марина и Ася всегда были скромно одеты, но при этом ухожены. Многие вещи для них оказывались под запретом. «Мать нам словами никогда ничего не запрещала. Глазами – всё».

Отца дети видели всё больше за книгами. Он был настолько увлечен созданием музея, что мало времени уделял жене и детям, – хотя горячо их любил. О взаимоотношениях отца и матери с детьми Марина напишет в одном из своих ранних стихотворений «Скучные игры»:

Глупую куклу со стула
Я подняла и одела.
Куклу я на пол швырнула:
В маму играть – надоело!

Не поднимаясь со стула
Долго я в книгу глядела.
Книгу я на пол швырнула:
В папу играть – надоело!

Несмотря на строгость матери и непростые отношения в семье, детские годы навсегда запомнятся Марине как самое прекрасное время в ее жизни, ведь родители сформировали ее характер. «Страсть к стихам – от матери, страсть к работе и к природе – от обоих родителей», – напишет Цветаева.

Детство кончилось

В 1892 году детям объявили о том, что семья едет к морю, в Италию. Причиной этой поездки послужила болезнь матери. У Марии Александровны обнаружили чахотку. Безоблачная пора детства для Марины и Аси кончилась. Осенью они приехали в курортный городок Нерви близ Генуи. Здесь в «Русском пансионе» жили революционеры-эмигранты. Их разговоры о новом понятии – «революция» – девушки впитывали с огромным энтузиазмом.

В 1902 году Марину и Асю отдали во французский интернат в Лозанне, где они проучились полтора года. Затем, летом 1904 года девочки отправились с матерью в Германию, в Шварцвальд. На немецкой земле сестры поступили в интернат города Фрейбург. А еще через два года вернулись в Россию. Увы, не доехав до Москвы, Мария Александровна скончалась на даче в Тарусе. Перед смертью она позвала дочерей к себе. Марина Ивановна вспоминала: «Мамин взгляд встретил нас у самой двери. Она сказала: "Подойдите...". Мы подошли. Сначала Асе, потом мне мама положила руку на голову. Папа стоял в ногах кровати, плакал навзрыд. Обернувшись к нему, мама попыталась его успокоить. "Живите по правде, дети! – сказала она. – По правде живите..."». 6 июля 1906 года Марии Александровны не стало. Так кончилось детство Марины и Анастасии Цветаевых.

▲ Иван Владимирович Цветаев (слева) и меценат Юрий Степанович Нечаев-Мальцов, пожертвовавший большую часть денег на строительство, на ступенях Музея изящных искусств имени императора Александра III, 1912 год

◀ Иван Владимирович горячо любил жену и детей, хоть и был всецело поглощен работой и книгами. На фотографии: Иван Цветаев с младшей дочерью Анастасией

◀ Торжественное открытие. У здания музея (стоят в центре, слева направо): великая княгиня Мария Александровна, Анастасия Михайловна, великий князь Павел Александрович, меценат Юрий Степанович Нечаев-Мальцов, создатель и первый директор музея Иван Владимирович Цветаев и другие, 1912 год

▲ «Я не хочу иметь точку зрения. Я хочу иметь зрение», – говорила Марина Цветаева. Фотография сделана в 1920-е годы

МУЗЕЙ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ

Открытие Музея изящных искусств имени императора Александра III стало делом жизни Ивана Владимировича Цветаева. В воплощении этой мечты ему помогала супруга. Вместе они ездили за границу, подбирали экспонаты для будущего музея. Мария Александровна разрабатывала предварительный план, который лег в основу здания. Она же помогала Ивану Владимировичу советами, вела иностранную переписку, была главной помощницей мужа во всем. Цветаев находил спонсоров, меценатов, по крупицам собирал экспонаты из частных коллекций. Большую часть денег на создание музея пожертвовал фабрикант и дипломат Юрий Степанович Нечаев-Мальцов. Церемония закладки музея прошла 17 августа 1898 года. До торжественного открытия главного детища в жизни мужа Мария Александровна не дожила шесть лет. 31 мая (13 июня) 1912 года Музей изящных искусств был открыт. На церемонии открытия присутствовал император Николай II с семейством. Иван Владимирович Цветаев стал первым директором музея.

▲ Фото сделано в Коктебеле.
Слева направо: М. И. Цветаева, Е. Я. Эфрон,
С. Я. Эфрон, В. А. Соколов, В. Я. Эфрон,
крайняя справа — Е. О. Волошина (Пра),
крестная Ариадны, 1913 год

ВЕЗДЕ ЧУЖАЯ

В начале прошлого столетия на распутье оказалась жизнь огромной страны — Российской империи. Никто не мог знать, чем обернется завтрашний день. Семья Марины Цветаевой не стала исключением: революция не принесла ее членам ничего хорошего.

▼ 1912 год стал очень насыщенным для Марины Цветаевой. Она вышла замуж за Сергея Эфрона, родила дочь Ариадну, вышла ее вторая книга стихов «Волшебный фонарь». На фотографии: Марина Ивановна в 1912 году

Предреволюционные годы

После смерти Марии Александровны Иван Владимирович остался один с детьми. Марина между тем совершенно забросила музыку; главной ее страстью стали стихи, которым она посвятила всю себя.

Осенью 1906 года девушка поступила в интернат московской гимназии Фон-Дервиз. Уже тогда она начала писать революционные стихи. Свободомыслия юной ученицы в гимназии не потерпели. Затем Цветаева обучалась еще в двух заведениях: интернате Алферовской гимназии, а после него — в VI и VII классах гимназии Брюхоненко.

В шестнадцать лет Марина увлеклась эпохой Наполеона. Особенно заинтересовала девушку судьба герцога Рейхштадтского, сына

Наполеона, из пьесы Эдмона Ростана. Новое увлечение привело ее в Париж. Цветаева успела влюбиться в уже далеко не молодую, но по-прежнему прекрасную Сару Бернар, игравшую ростановского Орленка. Осенью 1909 года Марина даже поступает в Сорбонну, на курс старинной французской литературы. Однако это было скорее предлогом, чтобы отец отпустил юную девушку одну за границу.

После возвращения домой Марина и Ася сближаются с филологом Владимиром Оттоновичем Нилендером и поэтом Эллисом, переводчиком Бодлера. Эллис, он же Лев Львович Кобылинский, познакомил девушек с идеями символистов и открыл им мир русской поэзии начала XX столетия. Сестры вечера напролет с интересом слушали его вдохновенные монологи. Эллис являлся одним из организаторов

книгоиздательства «Мусaget», в котором сосредоточилась литературная жизнь столицы. Стала бывать здесь и Марина. Эллис даже взял у девушки ее стихи для публикации в готовящемся альманахе «Антология». Для нее это было большой честью – печататься рядом с известнейшими поэтами: Андреем Белым, Александром Блоком, Николаем Гумилевым и другими. Общение с Эллисом практически прекратилось к 1911 году. Однако у Марины появился новый «литературный» друг – Максимилиан Волошин.

Еще учась в гимназии, на свои собственные деньги Марина Цветаева издала первую книгу стихов «Вечерний альбом». Волошин написал об этом цикле большую статью. Зимой 1911 года Максимилиан Александрович пригласил сестер Цветаевых летом погостить у него в Коктебеле, где собирались представители литературы и искусства того времени. Именно там, в Крыму, Марина встретила своего будущего мужа Сергея Эфрона.

Молодые люди обвенчались в 1912 году, и вскоре родилась их первая дочь Ариадна (Аля). К этому же времени относится получение Мариной первой (и единственной) литературной премии. Ее стихотворение «В раю» высоко оценили на Пушкинском конкурсе Общества свободной эстетики. Вместе с мужем она создает издательство «Оле-Лукойе»; выходит второй сборник Цветаевой «Волшебный фонарь».

В 1913 году умирает отец, Иван Владимирович. Последняя ниточка, связывавшая Марину с детством, оказалась потеряна, началась взрослая, самостоятельная жизнь. Молодую семью хорошо принимали в поэтическом обществе, Марина читала свои стихи на литературных вечерах. В 1913 году Эфрон и Цветаева побывали в Коктебеле, Ялте и Феодосии; следующий новый год они встречали у Максимилиана Волошина.

Весной 1915 года, в разгар Первой мировой войны, Сергей бросил университет и поступил

медбратом в военный санитарный поезд. Причиной такого решения считали роман Марины с поэтессой Софией Парнок.

Конец 1915 – начало 1916 года Марина Ивановна проводит в Петербурге, где знакомится со многими поэтами и посещает литературные салоны. К ней относились с большим интересом: она как бы олицетворяла собой литературную Москву. В этот период началась дружба Цветаевой и Мандельштама.

Летом 1916 года Сергея Яковлевича призвали в армию. Еще полгода спустя его отправили в Нижний Новгород, для обучения в школе прапорщиков. Марина Ивановна осталась в Москве, одна с ребенком, а в стране между тем кипели нешуточные страсти.

Конец мечтам

В начале тревожного, 1917 года Цветаева была беременна вторым ребенком. Октябрьская революция вызывала у поэтессы тревогу: она не поняла и не приняла идей большевиков. То, чем восхищались Маяковский и Блок, оставалось для нее чем-то пугающим и трагичным. В своих стихах Цветаева призывала к милосердию, ее ужасала безликая революционная масса, сметающая всё на своем пути.

Между тем страна продолжала разваливаться, в столице постепенно наступил голод. В октябре 1917-го Марина Ивановна на какое-то время переехала в Крым, но вскоре вернулась обратно в Москву. Сергей служил в пятьдесят шестом пехотном полку, защищавшем Кремль во время октябрьского переворота. В ноябре 1917 года Эфрон и его друг С.И. Гольцев хотели поехать к Дону, где формировалась Добровольческая армия. Марина проводила мужа до Коктебеля. Две недели они провели у Максимилиана Волошина, после чего Цветаева решила вернуться в Москву за детьми и привезти их обратно в Крым. Однако выехать за пределы столицы ей уже не удалось. Судьба разлучила супругов на долгих четыре года. Сергей Эфрон сражался в рядах Белой гвардии.

В столице Марина с детьми оставалась до 1922 года, не имея о муже никаких сведений. В городе царили страшный голод и безденежье, холодными зимами не хватало дров и теплой одежды. В 1920 году, в возрасте трех лет умирает вторая дочь Цветаевой Ирина. Всё это, вкупе с гибелью Александра Блока, расстрелом Гумилева, убийством царской семьи, стало подтверждением того ужаса революции, который чудился Марине в самом ее начале.

В конце концов нужда вынудила Цветаеву пойти на службу в Информационный отдел Ко-

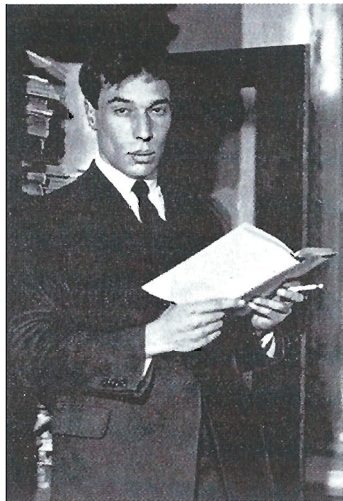
▲ Поэт Максимилиан Волошин был общим другом Цветаевой и Эфрона. Марина и Сергей познакомились у него в Коктебеле, а после свадьбы приезжали погостить к поэту. Фотография 1925 года

◀ Революцию Цветаева не приняла. Наблюдая за происходящими в стране переменами, она испытывала чувство ужаса. На фотографии: колонна солдат с транспарантом движется по Никольской улице, 2 ноября 1917 года

► Долгое время Марина Ивановна ничего не знала о муже. На фотографии: Сергей Эфрон (в гимнастерке и с саблей) на митинге. Крым, Перекоп, 1920 год

▲ С писателем Борисом Пастернаком Цветаева вела долгую и теплую переписку. Встретиться они смогли лишь в 1935 году, но Марина Ивановна осталась разочарована. Писатель находился под гнетом давления и страха. 1928 год

▼ Семнадцать лет поэтесса провела в эмиграции. Сначала в Чехословакии, затем – во Франции. На снимке: Марина Цветаева в 1923 году

миссариата по делам Национальностей. Обязанности ее заключались в том, чтобы кратко изложить в специальном «журнале газетных вырезок» статьи по разным национальностям, а затем перенести изложение на карточки. Самое ужасное – в хаосе нарождающегося нового строя это никому было не нужно. Единственное, что радовало Марину в новой работе, так это возможность украдкой писать. Так она проработала почти полгода. Позже Марина напишет сестре: «Служила когда-то 5 ½ мес. (в 1918 г.) – ушла, не смогла. – Лучше повеситься». Это был единственный эпизод в жизни Цветаевой, когда она зарабатывала на жизнь не литературным трудом. Правда, поэтесса пробовала себя еще на одной службе, откуда сбежала в первый же день: «Не я ушла из Картотеки: ноги унесли! Душа – ноги: вне остановки сознания. Это и есть инстинкт». Эти свои практики она опишет в записках «Мои службы».

Что удивительно, даже в такой обстановке Марина продолжает вести культурную жизнь. Она увлекается театром, особенно работами студии Вахтангова. Начинает тесно общаться с актером и режиссером Юрием Завадским и поэтом и переводчиком Павлом Антокольским. От Завадского она в восхищении; под впечатлением от его трудов создаются цикл стихотворений «Комедиант» и некоторые пьесы.

Весной 1921 года в Европу уехал друг Марины Цветаевой Илья Эренбург. Он принес ей долгожданную новость о том, что Сергей Эфрон жив: Эренбург нашел его в Константинополе. Сомнений Марина не испытывала – нужно ехать к мужу. Разрешение на выезд из страны далось поэтессе нелегко. Однако 11 мая 1922 года Марина и ее дочь Ариадна покинули мятежную советскую Россию. Так начались долгие семнадцать лет, которые поэтесса проведет в эмиграции.

Вдали от родины

Вначале Цветаева с дочерью приехали в Берлин, где в скором времени встретились с Сергеем. Было решено, что семья отправится жить в Прагу, где Эфрон учился в Карловом университете и получал стипендию от Министерства иностранных дел Чехословакии.

Три с половиной года семья проведет в Чехословакии. Они поселилась в пригороде Праги. Быт не был простым, однако окружающие относились к ним с неизменной теплотой. Сергей и Марина близко сошлись с несколькими эмигрантскими семьями. Эти отношения они будут поддерживать вплоть до своего возвращения в СССР.

Тот период стал для Марины Ивановны Цветаевой весьма плодотворным. За один год из-под ее пера вышло девяносто стихотворений. Сергей Яковлевич занимался редакторской правкой и писал политические статьи. 1 февраля 1925 года в семье появился сын Георгий, которого дома все называли Муром.

Войти в пражскую литературную жизнь Марине помог писатель и публицист Марк Львович Слоним. Благодаря ему Цветаева стала печататься в журнале эмигрантов «Воля России». Стихи и другие произведения поэтессы выходили здесь с 1922 по 1931 год. В их числе – «Поэма Лестницы», «Поэма Воздуха», «Крысолов», «Сибирь» и другие. Также Марина сотрудничала с альманахом «Ковчег» и журналом «Свои пути», где работала редактором поэтического отдела. Однако, несмотря на такую занятость, средств к существованию в семье по-прежнему не хватало.

ИЗ КНИГИ «ПОСЛЕ РОССИИ. 1922–1925»

«Неподражаемо лжет жизнь...»

Неподражаемо лжет жизнь:
Сверх ожидания, сверх лжи...
Но по дрожанию всех жил
Можешь узнать: жизнь!

Словно во ржи лежишь: звон, синь...
(Что ж, что во лжи лежишь!) – жар, вал...
Бормот – сквозь жимолость – ста жил...
Радуйся же! – Звал!

И не кори меня, друг, столь
Заворожимы у нас, тел,
Души – что вот уже: лбом в сон.
Ибо – зачем пел?

В белую книгу твоих тишизн,
В дикую глину твоих «да» –
Тихо склоняю облом лба:
Ибо ладонь – жизнь.

1922

Осенью 1925 года Марина и Сергей принимают решение перебраться в Париж. По приезде Эфроны сотрудничали с журналами «Версты» и «Благонамеренный»; в декабре Марина Ивановна провела собственный поэтический вечер. Но несправедливость, критика, недоброжелательность многих представителей литературы продолжали окружать Цветаеву. Своеобразную отдушину она нашла в переписке с Борисом Пастернаком. Их теплые, доверительные отношения неожиданно привлекли еще одного участника – Райнера Марию Рильке. Цветаева начала активно переписываться с немецким поэтом, они даже собирались встретиться, но из-за скорой кончины Рильке встреча так и не состоялась. Марина тяжело переживала эту смерть. В 1930 году она призналась Н. Вундерли-Фолькарт, близкой подруге Рильке в последние годы: «...Рильке – моя последняя немецкость. Мой любимый язык, моя любимая страна (даже во время войны!), как для него Россия (волжский мир). С тех пор, как его не стало, у меня нет ни друга, ни радости».

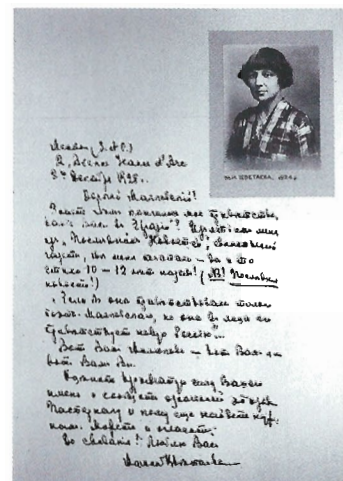
С Пастернаком им суждено было увидеться лишь в 1935 году. Борис Леонидович под давлением Сталина прибыл в Париж для участия в Международном конгрессе писателей в защиту культуры. Но ожидаемого душевного диалога между Цветаевой и Пастернаком не сложилось. Марина была разочарована: писатель находился под гнетом давления, страха и депрессии – ведь его насильно заставили приехать на конгресс.

Между тем тучи над головой самой Цветаевой тоже сгущались. В 1928 году она написала открытое письмо Владимиру Маяковскому, что спровоцировало шквал обвинений поэтессы в просоветских взглядах. С ней разорвали отношения многие эмигранты, ее стихотворения перестали публиковать. Это был огромный

удар – как в моральном отношении, так и в материальном. В 1933 году, благодаря хлопотам друзей, публикации возобновились, однако ее произведения правили и сокращали, а оплату задерживали. Фактически ни одна крупная вещь из написанных Цветаевой в эмиграции напечатана не была. Четырнадцать лет прожила поэтесса в столице Франции и за эти годы выпустила только одну книгу «После России. 1922–1925». Не дошедшую до нас поэму о царской семье и «Перекоп» не хотели печатать по политическим причинам. Цветаева пробовала заниматься переводами, чтобы хоть что-то заработать. Ее хвалили, но не печатали. Иногда удавалось провести творческий вечер.

Тем временем Сергей Эфрон принимал активное участие в евразийском издательстве. Евразийство, философско-политическое движение, выступающее за отказ от европейской интеграции России в пользу интеграции с азиатскими странами, вообще было чрезвычайно популярно среди русских эмигрантов в 1920–1930-е годы. В 1929 году издательство развалилось. Вскоре Сергей Яковлевич заболел туберкулезом, и через Красный Крест его удалось отправить на лечение в Савойю. Положение семьи с каждым днем становилось всё хуже. Цветаева и ее дети жили на мизерную чешскую стипендию. Друзья Марины всеми силами старались ей помочь: в середине 1930-х годов даже был создан «Комитет помощи Марине Цветаевой». В него вошли многие известные писатели.

Увлечись евразийством, Эфрон всё чаще думал о возвращении на родину, придя к выводу, что эмигранты виноваты перед родной страной. Чтобы искупить эту вину, требовалось пойти на сотрудничество с советскими органами. К сожалению, последующее возвращение в СССР не принесло семье Сергея и Марины ничего хорошего.

▲ Из-за открытого письма Маяковскому в 1928 году поэтессу стали обвинять в просоветских взглядах. На фотографии: письмо Марины Цветаевой Владимиру Маяковскому

«МЕСТА ДУШИ МОЕЙ»

Находясь в эмиграции, Марина Цветаева написала в рассказе «Хлыстовки»: «Я бы хотела лежать на тарусском хлыстовском кладбище, под кустом бузины, в одной из тех могил с серебряным голубем, где растет самая красная и крупная в наших местах земляника. Но если это несбыточно, если не только мне там не лежать, но и кладбища того уж нет, я бы хотела, чтобы на одном из тех холмов, которыми Кирилловны шли к нам в Песочное, а мы к ним в Тарусу, поставили, с тарусской каменоломни, камень: „Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева“». Еще она говорила: «Здесь, во Франции, и тени моей не останется. Таруса, Коктебель, да чешские деревни – вот места души моей».

Согласно воле поэтессы, в Тарусе установлен камень, тарусский доломит, на котором написано: «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева». Впервые он был поставлен благодаря Семену Островскому в 1962 году. Затем его убрали, во избежание неприятностей, и восстановили в более спокойные времена.

▼ Памятный камень (кенотаф) в Тарусе с надписью «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева». Современная фотография

Владенья наши царственно-богаты,
Их красоты не рассказать стиху:
В них ручейки, деревья, поле, скаты
И вишни прошлогодние во мху.

Мы обе – феи, добрые соседки,
Владенья наши делит темный лес.
Лежим в траве и смотрим, как сквозь ветки
Белеет облачко в выси небес.

(Из стихотворения «Наши царства»)

Обычаи дома и быт также нашли отражение
в этом юношеском сборнике:

Столовая, четыре раза в день
Миришь на миг во всем друг другу чуждых.
Здесь разговор о самых скучных нуждах,
Безмолвен тот, кому ответить лень.

(Из стихотворения «Столовая»)

Книга была замечена в литературной среде
и получила ряд положительных отзывов.
На творчество юной поэтессы откликнулись

«МОИМ СТИХАМ»

Предчувствуя сложную судьбу своих произведений и позднее признание, Марина Цветаева еще до революции написала пророческое стихотворение «Моим стихам»:

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
– Нечитанным стихам! –

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

1913

Н.С. Гумилев, В.Я. Брюсов, М.С. Шагинян, М.А. Волошин. Однако вторую книгу, «Волшебный фонарь» (1912), встретили уже совершенно иначе. Современники не увидели в ней литературной новизны, отметив повторение черт первого издания.

В 1913 году Марина Ивановна выпустила еще один сборник, который назвала «Из двух книг». Цветаева очень тщательно подошла к отбору произведений. Лишь сорок стихотворений из двухсот тридцати девяти, составлявших первые две книги, вошли в новое собрание.

Другая Цветаева

В 1913–1916 годах поэтическая манера Марины Цветаевой начинает меняться. По-детски милые, уютные стихотворения уходят в прошлое. Поэтесса осваивает дольник, тонический стих, уходит от принципа равноударности строк. В ее словаре появляются неологизмы, просторечная лексика, подражание народной поэзии. В цикле «Подруга», посвященном Софии Парнок, прослеживается эстетизация деталей. О старине поэтесса пишет в стихах «Генералам двенадцатого года» (1913) и «Бабушке» (1914):

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след –
Очаровательные франты
Минувших лет.

(Из стихотворения
«Генералам двенадцатого года»)

Чуть позже Марина Цветаева создает ролевую лирику, из-под ее пера рождаются поэтические двойники. Так, в 1916 году, в стихотворениях об отношениях с Осипом Мандельштамом, Марина ассоциирует себя с Мариной Мнишек, а Мандельштама – одновременно и с царевичем Дмитрием, и с самозванцем Отрепьевым. Кстати, уже в 1931 году Марина Ивановна расскажет об отношениях с Мандельштамом в очерке «История одного посвящения».

В это же время формируется поэтическая символика Цветаевой. Для ее героини характерно отрешение от плоти, «сон», возможность полета, где вместо рук – крылья.

Оценка Цветаевой происходящих событий часто не совпадает с принятой в обществе. Так, например, Первую мировую войну она восприняла как взрыв злобы против любимой Германии. В 1914 году поэтесса пишет по этому пово-

▲ Актриса Софья Голлицей вдохновила поэтессу на создание нескольких произведений. На фотографии: С. Е. Голлицей в роли Настеньки в спектакле «Белые ночи», конец 1910-х годов

▼ В третий сборник «Из двух книг» вошло лишь сорок стихотворений из двухсот тридцати девяти, опубликованных в двух предыдущих сборниках. Поэтесса очень тщательно подошла к отбору стихотворений. На снимке: Марина Цветаева в 1914 году

▲ Дом № 1373 на улице Шведска («Дом на горе») в районе Смихов, в котором в 1923–1924 годах жила с семьей Марина Цветаева. 1988 год, Чехословацкая Социалистическая Республика

ду строки, резко противопоставленные идеям патриотизма, витавшим тогда в воздухе по всей России:

Ты миру отдана на травлю,
И счёта нет твоим врагам,
Ну, как же я тебя оставлю?
Ну, как же я тебя предам?

(Из стихотворения «Германии», 1914)

Революция и Прага

В автобиографии Цветаева напишет: «С 1912 по 1922 г. пишу непрерывно, но книг не печатаю. Из периодической прессы печатаюсь несколько раз в журнале «Северные записки»».

В тяжелые послереволюционные годы поэтесса воспеваает подвиг белогвардейцев. Марина Ивановна прославляла белое движение не из политических мотивов, а с точки зрения духовно-нравственных установок. Разумеется, создание таких произведений в столице нового государства было весьма дерзким поступком.

В 1921 году стихотворения, посвященные Белой гвардии, Цветаева объединила в сборник «Лебединый стан». К сожалению, он так и не был напечатан при жизни поэтессы; его впервые опубликовали на Западе лишь в 1957 году. В стихотворении «Посмертный марш» (1922) Цветаева пишет о гибели Добровольческой армии. Эпиграфом к нему она выбирает фразу: «Добровольчество – это добрая воля к смерти». В 1921 году появляется еще один цикл, «Разлука», обращенный к любимому мужу Сергею Эфрону, о судьбе которого в тот период ей ничего не было известно.

В 1919 году Марина знакомится с актрисой Соней Голлидэй, между ними складываются теплые отношения. Цветаева восхищена талантом молодой артистки. Под воздействием обаяния Сони она пишет пьесы «Фортуна», «Приключение», «Феникс», «Каменный ангел» – женские роли в них предназначались Голлидэй. Цветаева также создает цикл «Стихи к Сонечке». А уже в 1937 году появится ее «Повесть о Сонечке».

В последующие годы у Цветаевой выйдет несколько книг, которые она перечислит в автобиографии: «С 1922 г. по 1928 г. появляются в печати следующие мои книги: в Госиздате «Царь-Девница», «Версты» 1916 г. и сборник «Версты»; в Берлине, в различных издательствах, – поэма «Царь-Девница», книги стихов «Разлука», «Стихи к Блоку», «Ремесло» и «Психея», в которые далеко не входит всё написанное с 1912 по 1922 г. В Праге, в 1924 г., издаю поэму «Молодец», в Париже, в 1928 г., книгу стихов «После России». Больше отдельных книг у меня нет».

ИЗ ЦИКЛА «ДОН»:

Белая гвардия, путь твой высок:
Черному дулу – грудь и висок.

Божье да белое твое дело:
Белое тело твое – в песок.

Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает...

Старого мира – последний сон:
Молодость – Доблесть
Вандея – Дон.

1918 год

В Праге Цветаева быстро входит в литературные круги. Ее произведения печатаются, в частности в «Воле России», она работает редактором поэтического отдела в изданиях «Ковчег» и «Своими путями». В пражские годы поэтика Цветаевой несколько меняется: Марина Ивановна переоценивает соотношение поэзии и действительности. Действительность для нее отныне чужда поэзии. В ее творчестве появляются новые жанры: поэма и драма. Переосмысление народных сказок и собственная трактовка заметны в поэмах «Царь-Девница» (1920) и «Молодец» (1922).

В 1924 году поэтесса заканчивает «Поэму Конца» и пишет «Поэму Горы». В этих произведениях нашёл отражение роман Цветаевой с другом Сергея Эфрона К.Б. Родзевичем и их окончательный разрыв. Чувство вспыхнуло в 1923 году. Константин Болеславович принадлежал к кругу русской пражской колонии, бывший офицер, он был товарищем Сергея по школе. Отношения Родзевича с Мариной Цветаевой длились недолго – всего несколько недель. Однако они подарили поэтессе вдохновение для создания лучших ее произведений. Беззаконная страсть героев в «Поэме Горы» противопоставляется бесцветной жизни

► Уголок парка в районе Мала Страна, о котором Марина Цветаева написала в «Поэме Конца» (1924 год): «Семирамидины сады висят, как вот вы!». 1988 год, Чехословацкая Социалистическая Республика

живущих на равнине обывателей. Прообразом Горы стал пражский холм Петршин, рядом с которым какое-то время жила Марина Ивановна. Образ горы – это символ высокого духа, грандиозной любви и горя:

Вздогнешь – и горы с плеч,
И душа – горé.
Дай мне о горе спеть:
О моей горé.

Черной ни днешь, ни впредь
Не заткну дыры.
Дай мне о горé спеть
На верху горы.

(Из «Поэмы Горы», 1924)

Марина Ивановна напишет Пастернаку: «Гора раньше и – мужской лик, с первого горяча, сразу вышшую ношу, а Поэма Конца уже разразившееся женское горе, грянувшие слезы, я, когда ложусь, – не я, когда встаю! Поэма Горы – гора с другой стороны увиденная. Поэма Конца – гора на мне, я под ней».

Цветаева всё чаще обращается к мотивам одиночества. Они ярко проявились в циклах «Гамлет», «Ариадна», «Федра». Цикл «Провода» был обращен к Борису Пастернаку. А сама Марина Ивановна стала прототипом Марии Ильиной, героини романа в стихах Пастернака «Спекторский».

Тема ухода от плотского начала в мир духа и небытия продолжается в пражских произведениях:

А может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем –
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени...

(Из стихотворения «Прокрасться», 1923)

Несбывшиеся надежды

В 1925 году семья Эфронов переезжает во Францию. Здесь Марина Ивановна закончила знаменитую поэму «Крысолов». За основу был взят сюжет средневековой легенды о том, как

мужчина выманил крыс из города игрой на дудочке и тем самым спас его жителей. Обыватели отказались заплатить ему, и тогда он с помощью той же дудочки отвел их детей на гору, земля разверзлась и поглотила их. У Цветаевой имелось свое истолкование образов. Крысолов – творческое и властное начало, крысы – большевики, которые вели борьбу с буржуями, а затем сами стали обывателями. Жители города Гаммельн – символ пошлости, мещанства и ограниченности. Поэма была опубликована в пражском издании «Воля России».

На смерть Райнера Марии Рильке Цветаева создала поэму «Новогоднее» (1927). Тогда же она написала «Поэму Воздуха» – художественную интерпретацию беспосадочного перелета авиатора Ч. Линдберга через Атлантический океан. В 1928 году в журнале «Современные записки» в Париже вышла трагедия «Федра».

На смерть Маяковского в 1930 году Марина Ивановна пишет цикл стихотворений. Следом за ним, в 1931 году, из-под ее пера рождаются «Стихи к Пушкину» (1931), отклик на смерть поэта-эмигранта Н.П. Гронского «Надгробие» (1935), «Стихи сироте», обращенные к другому поэту-эмигранту А.С. Штейгеру (1936). В цикле «Стол» (1933) Цветаева толкует творчество как тяжкий труд, долг, освобождение. В другом цикле, «Куст» (1934), брэнная жизнь людей противопоставлена гармонии природного мира и божественным тайнам.

В 1930-е годы Цветаева создает и многие свои прозаические произведения. Все они в основном автобиографичны. Несколько мемуарных очерков посвящено отцу и его музею («Музей Александра III», «Лавровый венок», «Открытие музея»), матери и детским воспоминаниям («Мать и музыка»), любимому Пушкину («Мой Пушкин»), странному сватовству то ли к ней, то ли к сестре, то ли к обеим («Жених»). Марина Ивановна также фиксирует в прозе свои воспоминания о знакомстве с известными современниками: «Живое о живом» посвящено М. Волошину, «Пленный дух» – встрече с Андреем Белым.

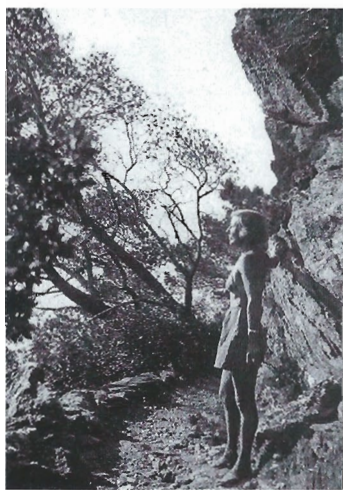
◀ Летом 1923 года под Прагой. Сидят (слева направо): М. И. Цветаева, Е. И. Еленева, К. Б. Родзевич и Лелик Туржанский. Стоят: С. Я. Эфрон и Н. А. Еленев

▲ В Праге Цветаева часто печаталась в «Воле России», работала редактором поэтического отдела в изданиях «Ковчег» и «Своими путями». На фотографии: Марина Цветаева в 1924 году

◀ В Чехословакии Эфроны прожили три с половиной года. На фотографии: Марина Цветаева, Сергей Эфрон с сыном Георгием на руках и дочерью Ариадной в Праге, 1925 год

▲ Цветаева любила горы. «Есть вещи, от которых я в постоянном состоянии отречения: море, любовь, — писала Цветаева Пастернаку. — Океан, как монарх, как алмаз: слышит только того, кто его не поёт. А горы благодарны (божественны)». И еще, уже другому респонденту Марина Ивановна писала, что гора — «верх земли и низ неба, гора — в небе». На фотографии: Марина Цветаева в горах, 1930-е годы

Увы, с переездом во Францию жизнь семьи не улучшилась. Ведущие парижские издания: «Современные записки» и «Последние новости» — мало печатали Марину Цветаеву, правили ее произведения. В Париже ей удалось издать лишь сборник стихов «После России». Эмоциональность и тяга поэтессы к гиперболизации были чужды эмигрантской среде, литература которой тяготела скорее к классической традиции. Авангардистская поэтика Цветаевой не нашла здесь понимания. Г.В. Иванов, З.П. Гиппиус, Г.В. Адамович и другие ведущие критики и литераторы плохо отзывались о произведениях Марины Цветаевой. Имелись и симпатии, в частности молодых литераторов, а также В.Ф. Ходасевича и критика Д.П. Святополка-Мирского, но они не сильно изменили общую картину. Репутация мужа, начавшего сотрудничество с советскими органами, только ухудшала ситуацию, равно как и непростой характер самой поэтессы.

Во второй половине 1930-х годов у Марины Цветаевой случился творческий кризис. Она писала мало. Основным мотивом произведений середины 1930-х стало неприятие жизни и времени. Созданный в 1938–1939 годах цикл «Стихи к Чехии» стал протестом против захвата Гитлером Чехословакии, родины ее сына, ставшей ей такой близкой:

Полон и просторен
Край. Одно лишь горе:
Нет у чехов — моря.
Стало чехам — море

Слёз: не надо соли!
Запаслись на годы!
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

(Из цикла «Стихи к Чехии», 1938)

Последние несколько лет жизни Марина Цветаева в основном занималась переводами. Она работала над многими текстами, в частности переводила произведения Шарля Бодлера,

болгарскую поэтессу Елисавету Багряню, грузинского писателя Важу Пшавелу.

Последнее стихотворение Цветаевой «Всё повторяю первый стих...» датировано 6 марта 1941 года. Оно явилось ответом на стихотворение Арсения Тарковского «Стол накрыт на шестерых...». Марина Ивановна делает последние попытки зацепиться за жизнь, продолжить творческий спор со своим веком, доказать актуальность своего бытия:

Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых —
Быть призраком хочу — с твоими,

(Своими)...

Робкая как вор,
О — ни души не задевая! —
За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая.

(Из стихотворения
«Всё повторяю первый стих...»)

► Памятник Марине Цветаевой на берегу Оки в ее любимом городе Таруса, где поэтесса проводила летние месяцы в детстве

ПРОЗА

«Мой Пушкин» — это рассказ Цветаевой о вторжении стиха в детскую душу. Марина Ивановна повествует о первых знакомствах с творчеством поэта, впечатлениях, которые остались с ней на всю жизнь: «...Первое, что я узнала о Пушкине, это — что его убили. Потом я узнала, что Пушкин — поэт, а Дантес — француз. Дантес возненавидел Пушкина, потому что сам не мог писать стихи, и вызвал его на дуэль, то есть заманил на снег и там убил его из пистолета в живот. Так я трех лет твердо узнала, что у поэта есть живот, и, — вспоминаю всех поэтов, с которыми когда-либо встречалась, — об этом животе поэта, который так часто не-сыт и в который Пушкин был убит, пеклась не меньше, чем о его душе. С пушкинской дуэли во мне началась сестра. Больше скажу — в слове живот для меня что-то священное, — даже простое “болит живот” меня заливают волной содрогającego сочувствия, исключаящего всякий юмор. Нас этим выстрелом всех в живот ранили...».

ЗАГАДКА ЗЕЛЕННЫХ ГЛАЗ

Душа Марины Цветаевой рвалась далеко за пределы воздвигнутых обществом рамок, и это не могло не находить отражения во внешности поэтессы. Большинство мемуаристов подчеркивает непохожесть Цветаевой на других, некоторую ее «странность». Современники оставили о ней разные воспоминания, часто весьма противоречивые. Так, глаза поэтессы Елизавета Кривошапкина называла «прозрачными», Павел Антокольский – «сере-зелеными», а Валентин Булгаков – серыми. Кто-то считал ее внешность по-женски привлекательной, другие же утверждали обратное.

Поэт Павел Антокольский, у которого с Цветаевой сложились очень теплые отношения в послереволюционные годы в Москве, писал о поэтессе в своих воспоминаниях: «...Марина Цветаева – статная, широкоплечая женщина с широко расставленными серо-зелёными глазами. Её русые волосы коротко острижены, высокий лоб спрятан под чёлку. Тёмно-синее платье не модного, да и не старомодного, а самого что ни на есть простейшего покроя, напоминающего подрясник, туго стянуто в талии широким жёлтым ремнём. Через плечо перекинута жёлтая кожаная сумка вроде офицерской полевой или охотничьего патронташа – и в этой не женской сумке умещаются и сотни две папирос, и клеёночная тетрадь со стихами. Куда бы ни шла эта женщина, она кажется странницей, путешественницей. Широкими мужскими шагами пересекает она Арбат и близлежащие переулки, выгребая правым плечом против ветра, дождя, вьюги, – не то монастырская послушница, не то только что мобилизованная сестра милосердия. Всё её существо горит поэтическим огнём, и он даёт знать о себе в первый же час знакомства...».

* * *

Кто создан из камня, кто создан из глины, –
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – бренная пена морская.

Кто создан из глины, кто создан из плоти –
Тем гроб и надгробные плиты...
– В купели морской крещена – и в полете
Своем – непрестанно разбита!

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволие.
Меня – видишь кудри беспутные эти? –
Земною не сделаешь солью.

Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной – воскресаю!
Да здоровствует пена – веселая пена –
Высокая пена морская!

Марина Цветаева, 1920

ЦВЕТАЕВА В ТВОРЧЕСТВЕ И В ЖИЗНИ

▲ В московском доме в Борисоглебском переулке поэтесса переживала тяжелые послереволюционные годы. Сегодня здесь расположен Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой». Современная фотография

Какой была Марина Цветаева, как выглядела, о чем размышляла и говорила в разные годы своей жизни, мы узнаем из уст ее современников. Многие из них, выдающиеся поэты и иные деятели своего времени, подробно рассказали о знакомстве с этой удивительной женщиной.

Первые мнения

Первый сборник еще никому не известной юной поэтессы Цветаевой сразу попал к мэтрам литературы того времени. «Вечерний альбом» получил ряд положительных откликов. Так, Николай Гумилев писал: «Марина Цветаева (книга «Вечерний альбом») внутренне талантлива, внутренне своеобразна. Пусть ее книга посвящается «блестящей памяти Марии Башкирцевой», эпиграф взят из Ростана, слово «мама» почти не сходит со страниц. Всё это наводит только на мысль о юности поэтессы, что

и подтверждается ее собственными строчками-признаниями. Многое ново в этой книге: нова смелая (иногда чрезмерно) интимность; новые темы, напр. детская влюбленность; ново непосредственное, бездумное ликование пустяками жизни. И, как и надо было думать, здесь инстинктивно угаданы все главнейшие законы поэзии, так что эта книга не только милая книга девических признаний, но и книга прекрасных стихов».

Максимилиан Волошин, с которым Марину будет связывать тесная дружба, в статье «Женская поэзия» противопоставил цветаев-

▼ «Вечерний альбом», изданный на собственные деньги поэтессы, получил ряд положительных откликов у признанных мастеров литературы. Марина Цветаева в 1914 году

▲ Николай Гумилев одним из первых оценил талант неизвестной, молодой поэтессы Цветаевой

► Писатель Илья Эренбург бывал в доме Цветаевой в тяжелые послереволюционные годы. В дальнейшем именно он принес поэтессе известие о том, что Сергей Эфрон жив. Фотография 1944 года

▲ На критику «Вечернего альбома» поэтом Валерием Брюсовым Марина Цветаева ответила стихотворением «В. Я. Брюсову» в своей второй книге

скую поэзию произведениям женщин-поэтов, творивших ранее: «Женщины-поэты предыдущего поколения, Зинаида Гippiус, Поликсена Соловьева (Allegro), как бы скрывали свою женственность и предпочитали в стихах мужской костюм, и писали про себя в мужском роде. Поэтессы же последних лет, подобно поэтессам французским, говорят от своего женского имени и про свое интимное, женское. Но ни у одной из них эта женская, эта девичья интимность не достигала такой наивности и искренности, как у Марины Цветаевой. Это очень юная и неопытная книга – «Вечерний альбом». Многие стихи, если их раскрыть случайно, посреди книги, могут вызвать улыбку. Ее нужно читать подряд, как дневник, и тогда каждая строчка будет понятна и уместна. Она вся на грани последних дней детства и первой юности. Если же прибавить, что ее автор владеет не только стихом, но и четкой внешне-стью внутреннего наблюдения, импрессионистической способностью закреплять текущий миг, то это укажет, какую документальную важность представляет эта книга, принесенная из тех лет, когда обычно слово еще недостаточно послушно, чтобы верно передать наблюдение и чувство».

Оставил свой отзыв и Валерий Брюсов, который рассматривал новые произведения со стороны собственного опыта. Поэт, скорее всего, считал свою критику благожелательной. Однако некоторые замечания очень рассердили юную Цветаеву, увидевшую в них исключительно неприятные акценты. Свой ответ мэтру литературы поэтесса опубликовала во второй книге, «Волшебный фонарь», где обыграла выражения Брюсова из критической статьи:

В. Я. Брюсову

Улыбнись в мое «окно»,
Иль к шутам меня причисли, –
Не изменишь, всё равно!
«Острых чувств» и «нужных мыслей»
Мне от Бога не дано.
Нужно петь, что всё темно,
Что над миром сны нависли...
– Так теперь заведено. –
Этих чувств и этих мыслей
Мне от Бога не дано!

Бедность

В голодные годы в Москве всем жилось тяжело, но положение поэтессы было просто ужасающим. После выхода очередного декрета Цветаеву лишили «безработного дохода»: ста тысяч рублей в Государственном банке. Марина Ива-

новна всегда презирала богатство, но теперь у нее не оказалось средств к существованию. Нелегко ей было пережить и реквизицию дома в Борисоглебском переулке: здание передали

«МНЕ НРАВИТСЯ»

Стихи Марины Цветаевой увековечены не только на литературном, но и на музыкальном Олимпе. Так, к стихотворению 1915 года «Мне нравится, что вы больны не мной...» композитор Микаэл Таривердиев написал музыку. И получилась песня. Знаменитый романс спела Алла Пугачева, он звучит в кинофильме «Ирония судьбы, или С легким паром!». Правда, в него вошло не всё стихотворение. Вот как выглядит оригинал:

Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной –
Распущенной – и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочтите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем, ни ночью – всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо вам и сердцем и рукой
За то, что вы меня – не зная сами! –
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце, не у нас над головами, –
За то, что вы больны – увьи! – не мной,
За то, что я больна – увьи! – не вами!

пролетарским семьям, а Цветаевой оставили три комнаты. Есть было нечего, дров не хватало, на растопку уходила мебель. По Москве гулял анекдот о том, что вор, который залез в квартиру поэтессы, ужаснулся бедности Цветаевой и сам предложил ей денег.

В конце 1920 года она написала сестре Асе: «Мы с Алей живем там же, в столовой. (Остальное – занято.) Дом разграблен и разгромлен. Трущоба. Топим мебелью...».

Сохранилось описание состояния, в котором находился дом в те тяжелые годы. Оно принадлежит Илье Эренбургу, зимой 1917–1918 года попавшего сюда впервые: «Войдя в небольшую квартиру, я растерялся: трудно было представить себе большее запустение. Все жили тогда в тревоге, но внешний быт еще сохранялся; а Марина как будто нарочно разорила свою нору. Все было накидано, покрыто пылью, табачным пеплом. Ко мне подошла маленькая, очень худенькая, бледная девочка и, прижавшись доверчиво, зашептала:

Какие бледные платья!
Какая странная тишь!
И лилий полны объятья,
И ты без мысли глядишь...

Я похолодел от ужаса: дочке Цветаевой – Але – было тогда лет пять, и она декламировала стихи Блока. Все было неестественным, вымышленным: и квартира, и Аля, и разговоры самой Марины – она оказалась увлеченной политикой, говорила, что агитирует за кадетов».

Однако сама Ариадна Эфрон отрицала эти слова Ильи Эренбурга: «Первого появления Эренбурга у нас в Борисоглебском переулке... я не помню; знаю лишь, что в пятилетнем возрасте я, естественно, еще не была знакома с любовной лирикой Блока и что в большой, нескладной, но уютной квартире еще не наблюдалось того кораблекрушительного беспорядка, которым она поражала всех, в нее входивших, в начале двадцатых годов».

Сохранилось и описание Эренбургом самой поэтессы: «Марине Ивановне Цветаевой, когда я с нею познакомился, было двадцать пять лет. В ней поражало сочетание надменности и растерянности: осанка была горделивой – голова, откинута назад, с очень высоким лбом; а растерянность выдавали глаза: большие, беспомощные, как будто невидящие – Марина страдала близорукостью. Волосы были коротко подстрижены в скобку. Она казалась не то барышней-недотрогой, не то деревенским паренком.

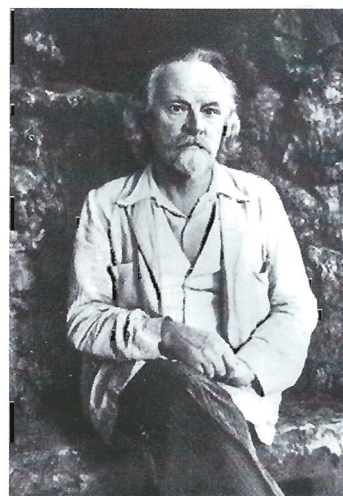
В одном стихотворении Цветаева вспоминала о своих бабках: одна была простой русской женщиной, сельской попадеей, другая – польской аристократкой. Марина совмещала в себе старомодную учтивость и бунтарство, высокомерность и застенчивость, книжный романтизм и душевную простоту».

Стирка, уборка, приготовление пищи в те годы занимали всё время Цветаевой, на творчество его практически не оставалось. Но Марина Ивановна всё равно старалась выкраивать – хотя бы чуть-чуть и хотя бы ночью. Цветаева не любила рутину с ее ежедневной суетой, которая, однако, преследовала поэтессу всю жизнь, отрывая от главного – создания стихов.

В дом в Борисоглебском переулке часто приходили известные люди. Многие из них помогали поэтессе. Так, писатель Борис Зайцев приносил Марине дрова. Подкормить и дать подышать свежим воздухом дочь Цветаевой Алю увозили к его матери в деревню. Но эта забота не очень нравилась самой поэтессе, она считала Зайцева чересчур «правильным», а его помощь – унижительной для себя «благотворительностью».

Гораздо ближе ей был Константин Бальмонт, старший товарищ, который жил недалеко, в Николопесковском переулке. Сам Бальмонт в книге «Где мой дом», вспоминал: «...Я весело иду по Борисоглебскому переулку, ведущему к Поварской. Я иду к Марине Цветаевой. Мне всегда так радостно с нею быть, когда жизнь притиснет особенно немилосердно. Мы шутим, смеемся, читаем друг другу стихи. И, хотя мы совсем не влюблены друг в друга, вряд ли многие влюбленные бывают так нежны и внимательны друг к другу при встречах».

Цветаева была заядлой курильщицей, и со своей младшей подругой Константин Бальмонт делился папиросами. Марина же готовила ему картошку, если последняя находилась в доме. Сама Марина Ивановна писала А.В. Бахраху, литературному критику и мемуаристу: «Я никогда не была поклонницей Бальмонта, но паек

▲ Поэт Константин Бальмонт был частым гостем в доме поэтессы. Он угощал ее папиросами, а она готовила для него картошку

◀ В Доме-музее Марины Цветаевой в Борисоглебском переулке сохранились многие вещи поэтессы. На фотографии: пресс-папье М. Цветаевой и ее открытки

► Быт всю жизнь преследовал Марину Ивановну, отвлекая от самого главного — создания стихов.
На фото: Марина Цветаева в Савойе, 1930 год

таскать я ему помогала. Презираю словесность. Все эти цветы, и письма, и лирические интермедии не стоят вовремя зачиненной рубашки. "Быт"? Да, это такая мерзость, что грех оставлять ее на плечах, уже без того обремененных крыльями!».

Знакомство с «Павликом»

Бывали в тяжелые послереволюционные годы и светлые моменты. Одним из них стала встреча с поэтом Павлом Антокольским, «Павликом», как называла его Цветаева. Его стихи поэтесса прочитала во время последней поездки на юг, и они ей очень понравились. Она отыскала Антокольского сразу после приезда из Коктебеля. Цветаева вспоминала: «Встреча была вроде землетрясения. По тому, как я поняла, кто он, он понял, кто я. (Не о стихах говорю, я даже не знаю, знал ли он тогда мои стихи.) Простояв в магическом столбняке — не знаю сколько, мы оба вышли — тем же черным ходом, и заливаясь стихами и речами... Словом, Павлик пошел — и пропал. Пропал у меня, в Борисоглебском переулке, на долгий срок».

Антокольский в 1966 году написал в своих воспоминаниях, «поневоле окрашенных лирически и продиктованных глубокой благодарностью и любовью к другу поэту»: «Мне выпало счастье встретить и узнать Марину Цветаеву и подружиться с нею на самой заре юности, в 1918 году. Ей было тогда двадцать шесть — двадцать семь лет, мне двадцать два — двадцать три года: юношеская пора совпала с ранней зарей нашего общества и нашей поэзии...

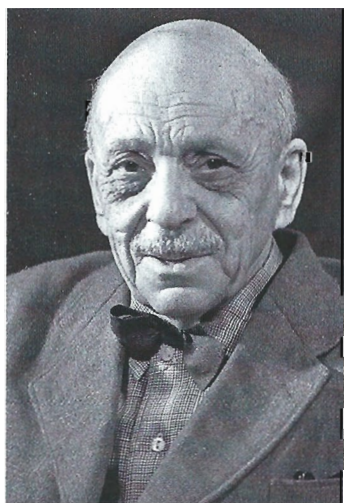
Речь её быстра, точна, отчётлива. Любое случайное наблюдение, любая шутка, ответ на любой вопрос сразу отливаются в легко найденные, счастливо отточенные слова и так же легко и непринуждённо могут превратиться в стихотворную строку. Это значит, что между нею, деловой, обычной, будничной, и ею же — поэтом разницы нет. Расстояние между обеими неуловимо и ничтожно».

В эмиграции

Писатель и критик Марк Львович Слоним познакомился с Цветаевой уже в Берлине. Слоним был одним из редакторов «Воли России» и всегда оставался в числе тех немногих критиков в эмигрантской среде, кто высоко ценил творчество Цветаевой. Так, в 1924 году, он говорил о скудости русской литературы в эмиграции и называл единственными подлинными поэтами за пределами России Цветаеву и Ходасевича.

Марк Львович оставил интересные воспоминания о поэтессе: «Марина Ивановна была чрезвычайно умна. У неё был острый, сильный и резкий ум — соединявший трезвость, ясность со способностью к отвлечённости и общим идеям, логическую последовательность с неожиданным взрывом интуиции. Эти её качества с особенной яркостью проявлялись в разговорах с теми, кого она считала достойными внимания. Она была исключительным и в то же время очень трудным, многие говорили — утомительным, собеседником. Она искала и ценила людей, понимавших её с полуслова, в ней жило некое интеллектуальное нетерпение, точно ей было неохота истолковывать брошенные наугад мысль или образ. Их надо было подхватывать на лету, разговор превращался в словесный теннис, приходилось все время быть начеку и отбивать метафоры, цитаты и афоризмы, догадываться о сути по намёкам, отрывкам».

▲ Павла Антокольского Цветаева ласково прозвала «Павликом» (он был младше поэтессы на четыре года). Поэт также оставил воспоминания о своих встречах с Мариной Ивановной

ИЗ ПЕРВЫХ УСТ

Известны воспоминания современников поэтессы о том, как Цветаева читала стихи. В частности, М. И. Гринёва рассказывала о впечатлении, которое произвела поэтесса на аудиторию, состоящую из профессоров и «студийцев» Курсов драмы: «Когда зазвучали стихи, первое, что нас поразило, манера чтения — совсем нам незнакомая и непохожая на то, как учили нас. Цветаева читала с неожиданной простотой и скромностью. И была непривычная слитность интонации этого голоса с тем, о чем он говорит — словно чтение стихов было следующей минутой их сотворения... Перерыв был поглощен спорами. Одни восторгались, другие — более сдержанные и осторожные в своих чувствах — утверждали, что так читать можно лишь дома, для узкого круга близких...».

◀ Вилла Боженка в поселке Вшеноры под Прагой, где в 1920-е годы располагался Вшеноро-Мокропсинский русский литературный клуб. В этом клубе читала свои стихи Марина Цветаева. 1988 год, Чехословацкая Социалистическая Республика

СТИХАМИ И ПРОЗОЙ

Марина Цветаева смотрела на жизнь сквозь призму своего творческого начала. Ее подход ко многим вещам был весьма оригинальным. С ней можно спорить или соглашаться, но остаться равнодушным вряд ли получится: слишком проникновенными и откровенными были ее высказывания и произведения.

Философия жизни

«Душа – это пять чувств. Virtuозность одного из них – дарование, virtuозность всех пяти – гениальность».

«Каждый раз, когда узнаю, что человек меня любит – удивляюсь, не любит – тоже удивляюсь, но больше всего удивляюсь, когда человек ко мне равнодушен».

«Тело в молодости – наряд, в старости – гроб, из которого рвешься!».

«Можно шутить с человеком, но нельзя шутить с его именем».

«Жизнь – вокзал... жизнь есть место, где жить нельзя».

«Некоторым, без кривизн –
Дорого дается жизнь...»

(Из стихотворения
«Некоторым – не закон...», 1922)

«Пусть не помнят юные
О согбенной старости.
Пусть не помнят старые
О блаженной юности...»

(Из стихотворения
«Пусть не помнят юные...», 1918)

«Раз все вокруг шепчут: целуй руку! целуй руку! – ясно, что я руку целовать не должна».

«У моды вечный страх отстать, то есть расписка в собственной овечьести».

«Детям своим я пожелаю не другой души, а другой жизни, а если это невозможно – своего же несчастного счастья».

«Судьба: то, что задумал Бог.
Жизнь: то, что сделали (с нами) люди».

«Что-то болит: не зуб, не голова, не живот, не- не- не-... а болит. Это и есть душа».

«Добрая слава, с просто – славой – незнакома. Слава: чтобы обо мне говорили. Добрая слава: чтобы обо мне не говорили – плохого. Добрая слава: один из видов нашей скромности – и вся наша честность».

«Есть тела, удивительно похожие на душу».

«Глаза и голос, это слишком много сразу. Поэтому, когда слышу голос, опускаю глаза».

«Ищут шестого чувства обыкновенно люди, не подозревающие о существовании собственных пяти».

О любви

«Бонапарта я осмелилась бы полюбить в день его поражения».

«Богини бракосочетались с богами, рождали героев, а любили пастухов».

▲ Акварель «Мама. Версаль», написанная Ариадной Эфрон, дочерью поэтессы, 1928 год

▲ Марина Цветаева: «В диалоге с жизнью важен не ее вопрос, а наш ответ». На снимке: поэтесса во Франции, 1926 год

«Это Романтизм. Это ничего общего с любовью не имеет. Можно любить мысль человека – и не выносить формы его ногтей, отзываться на его прикосновение – и не отзываться на его сокровеннейшие чувства. Это – разные области. Душа любит душу, губы любят губы, если Вы будете смешивать это и, упаси Боже, стараться совмещать, Вы будете несчастной».

«Сколько материнских поцелуев падает на недетские головы – и сколько нематеринских – на детские!».

«Любить – видеть человека таким, каким его задумал Бог и не осуществили родители».

«Весь наш дурной опыт с любовью мы забываем в любви. Ибо чара старше опыта».

«Всё в мире меня затрагивает больше, чем моя личная жизнь».

«Есть встречи, есть чувства, когда дается сразу всё и продолжения не нужно. Продолжать, ведь это – проверять».

«Женщина, не забывающая о Генрихе Гейне в тот момент, когда в комнату входит ее возлюбленный, любит только Генриха Гейне».

«Идите же! – Мой голос нем
И тщетны все слова.
Я знаю, что ни перед кем
Не буду я права.

Я знаю: в этой битве пасть
Не мне, прелестный трус!
Но, милый юноша, за власть
Я в мире не борюсь...»

(Из стихотворения
«Идите же! – Мой голос нем...», 1913)

«Наконец-то встретила
Надобного – мне:
У кого-то смертная
Надоба – во мне....»

(Из стихотворения
«Наконец-то встретила...», 1936)

«Женщины говорят о любви и молчат о любовниках,
мужчины – обратно».

«...И если сердце, разрываясь,
Без лекаря снимает швы, –
Знай, что от сердца – голова есть,
И есть топор – от головы...»

(Из стихотворения
«Заря пылала, догорая...», 1920)

«Любовь в нас – как клад, мы о ней ничего не знаем, все дело в случае».

«...Не люби, богатый, – бедную,
Не люби, ученый, – глупую,
Не люби, румяный, – бледную,
Не люби, хороший, – вредную:
Золотой – полушку медную!»

(Из стихотворения
«Полюбил богатый – бедную», 1918)

«Музыка: через душу в тело. – Через тело в душу: любовь».

«Юноша, мечтающий о большой любви, постепенно научается пользоваться слухом».

«Казанове дано прожить свою жизнь, нам – пережить ее».

«Женщина – единственный азарт, потому что исток и устье всех азартов».

О творчестве и поэтах

«Крылья – свобода, только когда раскрыты в полете, за спиной они – тяжесть».

«Каждая книга – кража у собственной жизни. Чем больше читаешь, тем меньше умеешь и хочешь жить сам».

«Вдохновение не только у пишущего – и у читающего тоже».

«Циник не может быть поэтом».

«В каждом негре я люблю Пушкина и узнаю Пушкина».

«Благоприятные условия? Их для художника нет. Жизнь сама неблагоприятное условие».

«Наши лучшие слова – интонации».

«Поэты – единственные настоящие любовники женщин».

«Творчество – общее дело, творимое уединенными».

«Подробность какого-нибудь описания почти всегда в ущерб его точности».

«Самое ценное в жизни и в стихах – то, что сорвалось».

«Успех – это успеть!».

«СТИХИ О МОСКВЕ»

Марина Цветаева любила город, в котором родилась. Поэтесса написала цикл «Стихи о Москве», в который вошло девять стихотворений. Вот одно из них:

Облака – вокруг,
Купола – вокруг,
Надо всей Москвой
Сколько хватит рук! –
Возношу тебя, бремя лучшее,
Дерево мое
Невесомое!

В дивном граде сем,
В мирном граде сем,
Где и мертвой – мне
Будет радостно, –
Царевать тебе, горевать тебе,
Принимать венец,
О мой первенец!

Ты постом говей,
Не сурьми бровей
И все сорок – чти –
Сороков церковей.
Исходи пешком – молодым шажком! –
Все привольное
Семихолмие.

Будет твой черед:
Тоже – дочери
Передашь Москву
С нежной горечью.
Мне же вольный сон, колокольный звон,
Зори ранние –
На Ваганькове.

1916

▼ Марина Цветаева: «Что я делаю на свете? – Слушаю свою душу». На фотографии: поэтесса со своей собакой в Савойе, 1930 год

«ЧУЖБИНА, РОДИНА МОЯ!»

Покидая Россию после революции, Марина Цветаева надеялась на лучшее будущее, но оно обернулось полунищенским существованием и скитаниями из одного европейского государства в другое. Возвращение на родину в 1939 году также не принесло ни поэссе, ни членам ее семьи ничего хорошего...

Конец эмиграции

Как уже упоминалось, в конце 1920-х – начале 1930-х годов Сергей Эфрон увлекся идеями евразийства и всё чаще думал о возвращении на родину. Считая своим долгом искупить вину перед Россией, в 1930-е годы он стал одним из активистов «Союза возвращения на родину» в Париже. Сергей Яковлевич сотрудничал с советскими спецслужбами, а с 1931 года начал работать в Иностранном отделе ОГПУ. Эфрон выполнял обязанности групповода и наводчика-вербовщика. По сохранившимся сведениям, лично им были завербованы двад-

цать четыре парижских эмигранта. Некоторым из них он помог переправиться в Испанию, чтобы принять участие в Гражданской войне. Согласно одной из версий, в сентябре 1937 года Эфрон оказался причастен к смерти советского разведчика Игнатия Рейсса (Порейского), отказавшегося вернуться в СССР. В то же время в столице Франции все были потрясены исчезновением генерала Е. К. Миллера, который был заместителем генерала А. П. Кутепова и председателем Русского Общевоинского Союза. В похищении обвиняли чекистов. Сергея Эфрона вызвали в полицию; после первых допросов он уехал в Гавр, а оттуда на пароходе отправился

▲ Мемориальный комплекс М. И. Цветаевой. Дом-музей Марины Цветаевой в Елабуге. Современная фотография

▼ Дети поддерживали Сергея Эфрона в стремлении вернуться в СССР. На фотографии: Сергей Эфрон с дочерью Ариадной (Алей), 1930-е годы

▲ Вместе с сыном Марина Цветаева эвакуировалась в Елабугу. На снимке: Георгий Эфрон, сын поэтессы, 1940 год

► Последняя фотография поэтессы была сделана в Москве 18 июня 1941 года. На снимке: (стоят) М. И. Цветаева и Л. Б. Либединская, (сидят) А. Е. Крученых и Георгий Эфрон

▼ Марина Цветаева вскоре после возвращения в Советский Союз. Фотография сделана за два года до смерти, в 1939 году

в Ленинград. В Советском Союзе поначалу всё было спокойно: Эфрону предоставили в подмосковном Болшеве государственную дачу НКВД, куда позже к нему приехала вся семья.

Еще раньше, в марте 1937 года, уехала в СССР дочь Ариадна. В столице она устроилась на работу в журнал «Revue de Moscou». Дети Цветаевой постепенно заняли политическую позицию отца. Марина же долго сопротивлялась: «Той России нету...» – говорила она. Однако со временем непреклонность Цветаевой угасла – печатали на Западе ее мало, жить становилось всё сложнее. Эмигрантская среда будто отторгала поэтессу. «Всё меня выталкивает в Россию, в которую я ехать не могу. Здесь я не нужна. Там я невозможна», – писала она. Обо всем случившемся с Эфроном писали в газетах, что не могло не отразиться на и без того плачевном положении поэтессы. В конце концов оставаться во Франции стало абсолютно бессмысленно: Цветаеву не печатали, эмигрантское общество отвернулось от ее семьи. И Марина Ивановна приняла решение вместе с сыном Георгием вернуться на родину. 12 июня 1939 года, оставив друзьям большую часть своего архива, поэтесса покинула Париж. Позже в письме Берии Цветаева напишет: «...Причиной моего возвращения на родину было желание дать моему сыну родину и будущее. И желание: работать дома. И полное одиночество в эмиграции, с которой, в последние годы, меня больше ничего не связывало».

Начало конца

На вокзале их встретили Ариадна и Елизавета Яковлевна Эфрон. Тут же Цветаеву ждала новость, которую от нее раньше скрывали, – сестра Ася арестована и находится в ссылке.

Дача, на которой жили Эфроны, до этого принадлежала репрессированному партийному деятелю М.П. Томскому. По соседству с ними, во второй половине дома, проживала семья Клепиных, позже также подвергшаяся арестам.

С точки зрения ГПУ, «дело Рейсса» закончилось неудачно, и все его участники понимали, что рано или поздно им придется за это заплатить. Сергей Яковлевич пребывал в подавленном состоянии; к тому же он был серьезно болен.

Год спустя Марина Цветаева сделала запись в дневнике о том времени, когда они только вернулись в Москву: «...18-го июня приезд в Россию, 19-го в Болшево. На дачу, свидание с больным С<ережей>. Неуют. За керосином. С<ережа> покупает яблоки. Постепенное щемление сердца. Мытарства по телефону. Энигматическая Аля, ее накладное веселье. Живу без бумаг, никому не показываясь. Кошки. Мой любимый неласковый подросток – кот. (Всё это – для моей памяти, и больше ничьей: Мур, если и прочтет, не узнает. Да и не прочтет, ибо бежит такого.) Торты, ананасы, от этого – не легче. Прогулки с Милей. Мое одиночество. Посудная вода и слезы. Обертон – унтертон всего – жуть. Обещают перегородку – дни идут. Мурику школу – дни идут. И отвычный деревянный пейзаж, отсутствие камня: устоя. Болезнь С<ережи>. Страх его сердечного страха. Обрывки его жизни без меня, – не успеваю слушать: полны руки дела, слушаю на пружине. Погреб: 100 раз в день. Когда – писать?..».

Совместная жизнь воссоединившейся семьи длилась недолго: 27 августа 1939 года арестовали Ариадну, а 10 октября – Сергея Яковлевича. Эфрон был осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР 6 августа 1941 года и приговорен к высшей мере наказания. Его расстреляли 16 октября того же года. В 1955 году Сергей Яковлевича реабилитировали посмертно за отсутствием состава преступления. Ариадна восемь лет провела в исправительно-трудовых лагерях.

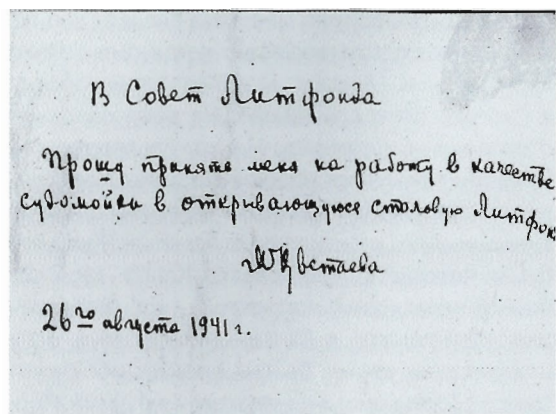
Последние испытания

Удивительно, но Марина Ивановна и Георгий остались на свободе. Они кочевали из одной квартиры в другую, не находя постоянного пристанища. Какое-то время жили у Лили Эфрон, сестры Сергея. Зиму 1939–1940 года мать

РОДИНА

Марина Цветаева очень любила Россию. «Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови. Не быть в России, забыть Россию – может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри – тот потеряет ее лишь вместе с жизнью...».

и сын провели в Голицыне, где располагался Дом отдыха Союза писателей. Жили в комнате в частном доме, питались в столовой Дома Союза. Затем их вновь ждали скитания из одного жилья в другое. Поэтесса очень переживала отсутствие постоянной крыши над головой. Осенью 1940 года она написала: «Я кажется, больше всего в жизни любила уют. Он безвозвратно ушел из моей жизни».

Всё это время Марина Ивановна практически не писала стихов, занимаясь в основном переводами. Летом 1941 года, когда началась Великая Отечественная война, Цветаева работала над текстами Федерико Гарсиа Лорки. Работу она вынуждена была прервать. 8 августа 1941 году Марина Ивановна с Георгием эвакуировались из Москвы на пароходе. Члены Союза писателей принадлежали к категории людей, которые могли рассчитывать на не самые ужасные условия жизни в эвакуации. В частности, для них был отведен город Чистополь на Каме. Там оказались писатели Тренев и Асеев, Лидия Чуковская, семья Пастернака. Однако Марина Цветаева не являлась членом Союза писателей, и ей пришлось ехать дальше, в небольшой город Елабугу, переполненный беженцами. Условия жизни там оказались кошмарными.

Вместе с сыном поэтесса поселились в избяпятистенке на улице Ворошилова. Хозяева дома, семья Бродельщиковых, были простыми людьми. Жили вдвоем: бабушка, дедушка и внук. Комната поэтессы с сыном до потолка не отгораживалась, все разговоры были слышны.

По приезде в Елабугу Цветаева попыталась найти работу, но в маленьком переполненном городе таковой просто-напросто не имелось. Марина Ивановна хотела было продать привезенное с собой столовое серебро, но никто не пожелал его купить. Спустя несколько дней после прибытия поэтесса отправилась в Чистополь, к Асееву, однако из этой поездки вернулась подавленная, в ужасном настроении. У руководства Союза писателей, эвакуирован-

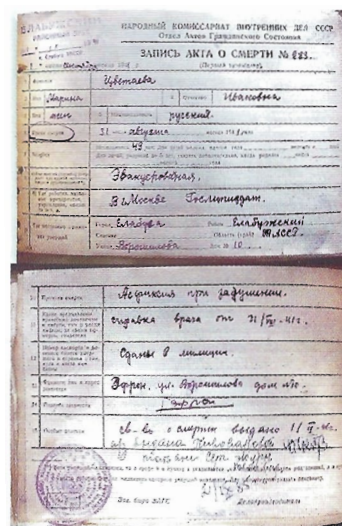
ного в Чистополь, Марина Ивановна просила разрешения поселиться в Чистополе и дать ей место посудомойки в писательской столовой. Разрешение Цветаевой дали, но вот места по факту не оказалось, так как столовая еще не открылась.

В роковой день, 31 августа 1941 года, в Елабуге проходил «воскресник»: жители должны были подготовить площадку для нового аэродрома. А.И. Бродильщикова пошла на общественную работу. Мур отправился на «воскресник» вместо матери, так как Марина планировала остаться дома. Хозяин с внуком ушли ловить рыбу. Когда Бродельщикова вернулась домой, в передней она обнаружила тело повесившейся Цветаевой.

Марину Ивановну похоронили 2 сентября 1941 года в Елабуге, на Петропавловском кладбище. Где точно находится могила поэтессы, неизвестно. У каменной стены, на южной стороне кладбища, осталось четыре безымянных могилы 1941 года. В 1960 году Анастасия Цветаева установила между ними крест с надписью: «В этой стороне кладбища похоронена Марина Ивановна Цветаева». Спустя десять лет здесь поставили гранитное надгробие. Позднее, уже будучи в преклонном возрасте, Анастасия Ивановна утверждала, что надгробие находится именно там, где похоронена Марина. В начале 2000-х годов место расположения надгробия обрамили плиткой и висячими цепями; по решению Союза писателей Татарстана, оно называется «официальной могилой М.И. Цветаевой». Однако среди литературоведов и краеведов до сих пор нет единого мнения в ответе на вопрос, в какой именно из могил захоронена поэтесса.

Жизнь после смерти

Признание творчества и заслуг Цветаевой проходило поэтапно. Сборник «Проза» вышел в 1953 году на Западе. Он был издан пражской

▲ 1 августа 1941 года Марины Ивановны Цветаевой не стало. На снимке: акт о смерти поэтессы

«Сохранилось заявление Цветаевой: «В Совет Литфонда. Прошу принять меня на работу в качестве судомойки в открывающуюся столовую Литфонда. М. Цветаева».

◀ В Елабуге, на южной стороне Петропавловского кладбища располагаются четыре безвестные могилы 1941 года. В 1960 году между ними установили крест с надписью: «В этой стороне кладбища похоронена Марина Ивановна Цветаева»

приятельницей Цветаевой Екатериной Еленовой, автором предисловия стал Ф.А. Степун. Эта книга послужила отправной точкой для признания поэтессы за рубежом. В послевоенные годы на Западе понемногу стали печататься те произведения, которые Марина Ивановна оставила перед своим возвращением в Россию. В 1957 году Глеб Струве издал в Мюнхене «Лебединый стан». В 1971 году вышло второе, исправленное издание, дополненное поэмой «Перекоп». В 1964 году Марк Слоним напечатал «Историю одного посвящения» в «Oxford Slavonic Papers». В 1971 году Г. Витриженс, профессор Венского университета, выпустил в Мюнхене том «Несобранных произведений» Марины Цветаевой. В 1972 году под редакцией Г.П. Струве и Н.А. Струве вышли «Неизданные письма» поэтессы. Спустя еще четыре года в том же «Неизданном» впервые напечатали полный сборник «Юношеские стихи», пьесу «Каменный ангел», полный текст «Повести о Сонечке».

В Советском Союзе реабилитация Цветаевой происходила медленно и совсем не гладко. Многие сделали близкие поэтессы, в частности ее дочь Ариадна. В период «оттепели», в 1956 году, в альманахе «Литературная Москва, сб. 2» было напечатано семь стихотворений поэтессы с предисловием Ильи Эренбурга.

Среди них «Попытка ревности» и «Моим стихам...». Затем власти предприняли попытку отступить, боясь последствий «оттепели». Однако уже в 1961 году вышел небольшой сборник избранных произведений Марины Цветаевой. Еще четыре года спустя свет увидел большой сборник, изданный в серии «Библиотека поэта», с введением Владимира Орлова и замечаниями Ариадны Эфрон. В печати стали появляться воспоминания и высказывания о Цветаевой известных людей, в частности Ильи Эренбурга и Бориса Пастернака. 25 октября 1962 года прошел первый официальный вечер поэзии Марины Цветаевой в Московском доме работников искусств. В 1970-е годы продолжали публиковаться стихотворения поэтессы и воспоминания о ней. В 1980 и 1988 годах в СССР были изданы избранные произведения. Полное собрание известных на тот момент сочинений вышло в Нью-Йорке.

С 1985 года отношение властей к Марине Цветаевой и ее творчеству изменилось кардинально. Были обнародованы факты ее биографии, с полным описанием событий, о которых ранее умалчивалось. В 1990 году в России впервые вышел сборник всех стихотворений и поэм Цветаевой. С той поры Марина Ивановна окончательно вернулась на родину, ее славе уже ничто не могло помешать.

▲ Сегодня творчество Марины Цветаевой признано не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Очень многое для этого сделали ее близкие и друзья. На снимке: Анастасия Цветаева на открытии мемориальной доски в Борисоглебском переулке, 1991 год

▼ До сих пор нет единого мнения о том, в какой именно могиле покоится поэтесса. На снимке: надгробие в той части кладбища, где захоронена Марина Цветаева. Современный вид

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ

Марина Цветаева оставила три предсмертные записки: «эвакуированным», Асеевым и сыну. Оригинал записки «эвакуированным» был изъят в качестве вещественного доказательства и утерян, однако ее текст стал известен по списку, который разрешили сделать сыну поэтессы Георгию.

Записка «эвакуированным»:

«Дорогие товарищи! Не оставьте Мура. Умоляю того из вас, кто сможет, отвезти его в Чистополь к Н. Н. Асееву. Пароходы – страшные, умоляю не отправлять его одного. Помогите ему с багажом – сложить и довезти. В Чистополе надеюсь на распродажу моих вещей. Я хочу, чтобы Мур жил и учился. Со мной он пропадет. Адр. Асеева на конверте. Не похороните живой! Хорошенько проверьте».

Записка сыну:

«Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але – если увидишь – что любила их до последней минуты, и объясни, что попала в тупик».

Записка Асеевым:

«Дорогой Николай Николаевич! Дорогие сестры Синяковы! Умоляю вас взять Мура к себе в Чистополь – просто взять его в сыновья – и чтобы он учился. Я для него больше ничего не могу и только его гублю. У меня в сумке 150 р. и если постараться распродать все мои вещи. В сундучке несколько рукописных книжек стихов и пачка с отписками прозы. Поручаю их Вам. Берегите моего дорогого Мура, он очень хрупкого здоровья. Любите как сына – заслуживает. А меня – простите. Не вынесла. МЦ. Не оставляйте его никогда. Была бы безумно счастлива, если бы жил у вас. Уедете – увезите с собой. Не бросайте!».

СЛОМАННЫЕ СУДЬБЫ

Жизнь несколько раз разлучала Марину Цветаеву и Сергея Эфрона на неопределенный срок, но каждый раз супруги находили в себе силы, чтобы соединиться вновь. Трагические судьбы родителей повторили и их дети, ставшие жертвами своей эпохи.

Встреча длиною в жизнь

Апрель 1911 года Марина Цветаева провела на Черном море, в Гурзуфе. Для молодой поэтессы это был период размышлений, углубления в себя перед, возможно, самым важным этапом ее жизни. 5 мая Цветаева приехала в Коктебель, в гости к Максимилиану Волошину, где должна была встретиться с сестрой Асей. Анастасия Цветаева, приехавшая чуть позже, увидела совсем иную сестру: вместо одинокой задумчивой Марины ее встретила загорелая, сияющая от счастья девушка, в коротких штанах и сандалиях на босу ногу. Причиной перемены послужила встреча, во многом определившая дальнейшую судьбу Цветаевой.

Сразу же после приезда в Коктебель Марина отправилась на безлюдный пляж Сердоликовой бухты. Там она прогуливалась в поисках краси-

вых камней. А на скамейке, на фоне бескрайнего моря, сидел красивый юноша. Он вызвался помочь Марине; та, восхищенная его голубыми глазами, согласилась. Про себя Цветаева загадала: если он догадается, какой камень понравился ей больше всего и принесет его, то она выйдет за него замуж. Об этом знакомстве поэтесса позже вспоминала: «А с камешком – сбылось, ибо С.Я. Эфрон, за которого я, дождавшись его восемнадцатилетия, через полгода вышла замуж, чуть ли не в первый день знакомства открыл и вручил мне – величайшая редкость! – генуэзскую сердоликовую бусу, которая и по сей день со мной». И еще: «В Крыму, где я гощу у Макса Волошина, я встречаю моего будущего мужа, Сергея Эфрона. Нам 17 и 18 лет. Я обещаю себе, что, что бы ни случилось, я никогда с ним не расстанусь». В Москве 1939 года Цветаева подтвердила данное в восемнадцать лет обещание. А та

▲ В Чехословакии у Цветаевой родился долгожданный сын. Сергей Эфрон, Марина Цветаева с сыном Георгием и дочерью Ариадной в Праге, 1925 год

▼ Марина Цветаева писала: «Я обещаю себе, что, что бы ни случилось, я никогда с ним не расстанусь». Свое обещание она сдержала. Цветаева и Эфрон в Крыму, 1911 год

► В Сергее Эфроне Марина видела воплощение благородства и вместе с тем потребность в заботе и защите

самая «сердоликовая буса» надолго пережила участников описанных событий: в 1973 году она оказалась в руках их дочери, Ариадны Эфрон.

Сергей Эфрон происходил из семьи народныхольцев. Его мать, Елизавета Петровна Дурново, была известного дворянского рода, что, однако, не мешало ей с искренним желанием помочь всем обездоленным примкнуть к революционной организации «Земля и Воля». Яков Константинович (Калманович) Эфрон происходил из еврейской семьи, из Виленской губернии. Елизавета Петровна и Яков Константинович вместе участвовали в конспиративных делах организации.

В своем будущем муже Марина видела воплощение благородства и вместе с тем беззащитности. Современники отмечали, что в чувстве Марины к Сергею было много материнского, — а Эфрон нуждался в опеке и заботе. Знакомые и родственники описывали его по-разному. Но большинство сходилось в том, что это был красивый юноша, с мягким характером, которому требовалась поддержка жены. Анастасия Ивановна очень любила своего «мягкого, приветливого, обаятельного родственника».

Эфрон, заболевший туберкулезом после смерти матери в 1910 году, всю жизнь отличался слабым здоровьем. Сергей Яковлевич не мог долго переносить влажный крымский климат, поэтому молодые люди вскоре переехали в Уфимскую губернию, откуда осенью 1911 года вернулись в Москву. Отец Цветаевой тогда был тяжело болен и лечился на курорте для сердечников за границей. В ожидании серьезного разговора с отцом о замужестве Цветаева поселила будущего мужа в своем доме в Трехпрудном переулке. Спустя некоторое время они разместились в квартире в Сивцевом Вражке, куда к ним переехали Лиля и Вера Эфрон, сестры Сергея, а также Елена Оттобальдовна Волошина (Пра) из Коктебеля. Эфрон был моложе своей будущей жены на год. В то время он писал книгу «Детство» и посещал гимназию. Марина готовила к печати второй сборник стихов «Волшебный фонарь».

Тихий праздник венчания Цветаевой и Эфрона состоялся 27 января 1912 года в Палашевской церкви. Далеко не все встретили этот брак с восторгом. Правым монархистам Цветаевым и Иловайским оказались не по душе прошлые революционные настроения и еврейское происхождение Эфронов. Сама же Марина была счастлива. Ее чувства нашли отражение в стихотворении «На радость», посвященном мужу.

Вскоре после свадьбы в издательстве «Оле Лукойе», которое основала молодая семья, вы-

шла книга Сергея Яковлевича «Детство» и сборник Цветаевой «Волшебный фонарь».

Гувернантка семейства Цветаевой, С. Д. Мейн (Тью), помогла молодым купить дом на Полянке, в Замоскворечье. В сентябре 1912 года в этом доме родилась Ариадна. В 1914 году молодая чета переехала в другой дом, расположенный в Борисоглебском переулке, где Цветаева жила до самого отъезда из России в 1922 году.

Первые годы совместной жизни были счастливыми. Марина Ивановна писала: «Я постоянно дрожу над ним. От малейшего волнения у него поднимается температура, он весь лихорадочная жажда всего... За три — или почти три — года совместной жизни — ни одной тени сомнения друг в друге. Наш брак до того не похож

▲ Первые годы совместной жизни Эфронов были счастливыми. «Наш брак до того не похож на обычный брак, что я совсем не чувствую себя замужем и я совсем не переменялась (люблю всё то же и живу всё так же, как в 17 лет) ...», — писала Цветаева

«Я С ВЫЗОВОМ НОШУ ЕГО КОЛЬЦО!»

Стихотворение 1914 года Марина Цветаева посвятила Сергею Эфрону. Позже Марк Слоним утверждал, что и в 1933 году поэтесса видела мужа таким же:

Я с вызовом ношу его кольцо!
— Да, в Вечности — жена, не на бумаге. —
Его чрезмерно узкое лицо
Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза — прекрасно-бесполезны! —
Под крыльями раскинутых бровей —
Две бездны.

В его лице я рыцарству верна,
— Всем вам, кто жил и умирал без страха! —
Такие — в роковые времена —
Слагают стансы — и идут на плаху.

1914

на обычный брак, что я совсем не чувствую себя замужем и я совсем не переменялась (люблю всё то же и живу всё так же, как в 17 лет). Мы никогда не расстанемся. Наша встреча – чудо».

Стоит всё же заметить, что по характеру они являлись двумя разными людьми. Сергею нужно было служить какой-то идее: сначала это была Марина, затем – верность родине, затем – коммунизм. Цветаева же служила слову и искусству. Марк Слоним вспоминал, что Марина по-настоящему никого, кроме своего мужа, и не любила. Цветаева оставалась с Эфроном всю жизнь, последовав за ним навстречу гибели. Однако были в ее жизни и другие, порой довольно неожиданные романы.

Женские страсти

В 1915 году Эфрон отправился на фронт добровольцем. Возможной причиной такого неожиданного поступка некоторые биографы называют роман Марины с поэтессой Софией Парнок и кризис в отношениях супругов. Цветаева и Парнок познакомились осенью 1914 года в одном из литературных салонов. София Яковлевна была старше Марины Ивановны на семь лет. На момент их встречи она уже являлась признанным независимым литературным критиком и талантливой поэтессой. Парнок относилась к ученицам Сафо и, как говорил литературовед С. А. Карлинский, была «открытой и агрессивной лесбиянкой». Цветаева моментально попала под ее влияние. Парнок с юности и до самой смерти имела отношения с женщинами, хотя с 1907 по 1909 год была замужем за поэтом Владимиром Волькенштейном.

Марина обожала свою возлюбленную, восхищалась ее темными глазами, высоким лбом, бледностью и надменными губами. В начале

1915 года Цветаева создает стихотворение «Ты проходишь своей дорожкой...», в котором описано всё, что так нравилось ей в новой подруге. Парнок сочетала в себе, по словам Цветаевой, «нежность женщины, дерзость мальчика».

Весной 1915 года Марина и София отправляются в Коктебель, где к ним присоединяются Аля с няней и сестра Анастасия с сыном. Цветаева между тем вполне осознавала всю тяжесть своего положения и разрывалась между чувствами к Парнок и к мужу.

Когда женщины вернулись в столицу, стало понятно, что их отношения подошли к концу. В феврале 1916 года роман завершился. Подробности разрыва остались неизвестны. Перипетии их романа, с некоторой долей вымысла, нашли отражение в цветаевском цикле «Подруга» и «Юношеских стихах». Эти отношения оставили след в жизни и творчестве обеих поэтесс; для Марины Ивановны они оказались важным этапом поэтического и духовного развития.

Судьба по наследству

У Марины Цветаевой и Сергея Эфрона было трое детей. К сожалению, судьба всех троих сложилась трагично.

Старшая дочь, Ариадна, росла не по годам развитым ребенком. Цветаева мечтала о ее прекрасном будущем. Она видела дочь красавицей, окруженной почитанием, наделенной талантами, которые она сможет воплотить. Аля с детства понимала, что ее родители – необычные люди, и горячо их любила. Марина была центром вселенной дочери. Читать Ариадна научилась в три года, и не по слогам, а как взрослые. В пять она сама начала писать, а с шести вела дневники.

Первые стихи к дочери Марина Цветаева написала, когда той был год с небольшим. Затем, вплоть до 1920 года, эта тема постоянно возникала в творчестве поэтессы.

Отношения Али и Марины были особыми: маленькая Ариадна очень сблизилась с матерью, стала ее вторым «я». Годы обучения девочки пришлось на революционные события, и Марина сама занималась образованием дочери. Вместо скучных диктантов Аля записывала события прошедшего дня. Марина прививала дочери любовь к природе, музыке, романтике – как когда-то делала ее собственная мать. Ариадна же была благодатным материалом, она принимала всё, что шло от Марины. В одном из писем Цветаевой есть следующие строки: «Она живет мною и я ею». И еще, в дневнике: «Жизнь души – Алиной и моей – вырастет из моих стихов – пьес – ее тетрадок».

◀ Не по возрасту развитая Аля была для Марины Цветаевой ее вторым «я». Поэтесса старалась вложить в нее всё, что знала и умела сама. На фотографии: поэтесса с дочерью, 1916 год

▲ Поэтесса София Парнок на момент встречи с Цветаевой уже имела признание как талантливый поэт и литературный критик. Она относилась к ученицам Сафо. Марина Цветаева была от нее в восторге и сразу попала под влияние старшей подруги. София Яковлевна Парнок, 1914 год

▼ «Я, что в тебя – всю Русь/Вкачала – как насосом!» – писала поэтесса в «Стихах к сыну». Георгий Эфрон, 1930-е годы

▲ Младшая дочь Цветаевой Ирина умерла в голодные послереволюционные годы в возрасте трех лет. Дочери Марины Цветаевой Ирина и Аля. Москва, 1919 год

▲ Георгий (Мур), рожденный в 1925 году в Праге, стал воплощением мечты Цветаевой о сыне. Поэтесса с маленьким Георгием, 1928 год

В Париже Ариадна Эфрон окончила школу прикладного искусства «Arts et Publicité» и высшую школу Лувра по специальности «история изобразительного искусства». Девушка сотрудничала с французскими журналами, а также занималась переводами на французский язык Маяковского и других поэтов.

На момент ареста Ариадне Сергеевне было двадцать семь лет – и только в сорок три года она смогла вернуться к нормальной жизни. Дочь Цветаевой восемь лет провела в исправительно-трудовых лагерях, но и после окончания срока жизнь на свободе длилась недолго. 22 февраля 1949 года Ариадну снова арестовали, она была отправлена в пожизненную ссылку в Туруханский район.

В 1955 году Ариадну реабилитировали. Она свято хранила память матери, подготовила к печати издания ее сочинений. Ариадна Сергеевна Эфрон стала хранительницей архива Марины Цветаевой. Она занималась стихотворными переводами, в основном с французского языка, писала оригинальные стихи, которые вышли только в 1990-е годы. Умерла от обширного инфаркта в больнице Тарусы 26 июля 1975 года.

Вторая дочь Цветаевой и Эфрона, будучи слабой, умерла в голодные послереволюционные годы. Ирина родилась в 1917 году. В начале зимы 1919–1920 года Марина поняла, что не сможет прокормить детей в голодающей Москве. По совету знакомых, она отдала Алю и Ирину в детский приют в Кунцеве. Матери пообещали, что ее дети будут хорошо питаться. В феврале 1920 года Ариадна заболела дизентерией. Марина забрала старшую дочь домой, где всё время ухаживала за ней. Вскоре стало известно, что слабая и маленькая Ирина умерла в приюте. Цветаева была в ужасе, чувствуя свою вину перед младшей дочерью. Марина Иванов-

на писала: «Умерла без болезни, от слабости. И я даже на похороны не поехала – у Али в этот день было 40,7°». Сказать правду? Я просто не могла». И еще, из письма сестре: «Ирине было почти три года – почти не говорила, производила тяжелое впечатление, всё время раскачивалась и пела. Слух и голос были изумительные». Смерть младшей дочери отражена в стихотворении «Две руки, легко опущенные...» (1920) и в лирическом цикле «Разлука» (1921).

Не менее трагично сложилась судьба и сына Марины Цветаевой. Георгий Эфрон родился в эмиграции в 1925 году, в Праге. Он был желанным и горячо любимым ребенком. Дома его все ласково называли Муром. Позже, в «Стихах к сыну» Цветаева писала: «Я, что в тебя – всю Русь/Вкачала – как насосом!».

Оказавшись в советской России, начитанный и образованный Георгий чувствовал себя чужаком. Сохранились его рисунки и дневники. Короткая жизнь длиною в девятнадцать лет вместила в себя все ужасы той эпохи: неустойчивость быта и безденежье жизни в эмиграции, скитания, переезд в СССР со сталинскими репрессиями, гибель матери, бомбежки, голод.

Георгий был призван на фронт. О его гибели известно лишь, что он был ранен в бою на Восточном фронте 7 июля 1944 года и направлен в полевой медсанбат. Сведений о его могиле нет.

Семейный архив Цветаевых был закрыт до 2000 года, по воле Ариадны Сергеевны Эфрон. Сегодня многое из него опубликовано, в том числе и дневники Георгия. По ним мы можем судить о неординарных качествах, талантах сына Цветаевой и о трудностях его биографии.

Судьба детей Марины Цветаевой, как и судьба самой поэтессы, оказалась трагичной. Их жизнь стала отражением горестей той эпохи, в которую они жили.

ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА

В декабре 1918 года шестилетняя Ариадна описала маму в дневнике.

Моя мать

Моя мать очень странная. Моя мать совсем не похожа на мать. Матери всегда любят на своего ребенка, и вообще на детей, а Марина маленьких детей не любит.

У нее светло-русые волосы, они по бокам завиваются. У нее зеленые глаза, нос с горбинкой и розовые губы. У нее стройный рост и руки, которые мне нравятся.

Ее любимый день – Благовещение. Она грустна, быстра, любит Стихи и Музыку. Она пишет стихи. Она терпелива, терпит всегда до крайности. Она сердится и любит. Она всегда куда-то торопится. У нее большая душа. Нежный голос. Быстрая походка. У Марины руки все в кольцах. Марина по ночам читает. У нее глаза почти всегда насмешливые. Она не любит, чтобы к ней приставали с какими-нибудь глупыми вопросами, она тогда очень сердится. Иногда она ходит, как потерянная, но вдруг точно просыпается, начинает говорить, и опять точно куда-то уходит.

Размер альбома:
ширина 27 см,
высота 32 см

Специальная цена
599
рублей

Стильный
АЛЬБОМ
ДЛЯ ФОТОГРАФИЙ,
в котором можно хранить
вашу коллекцию открыток
или ваши личные фотографии

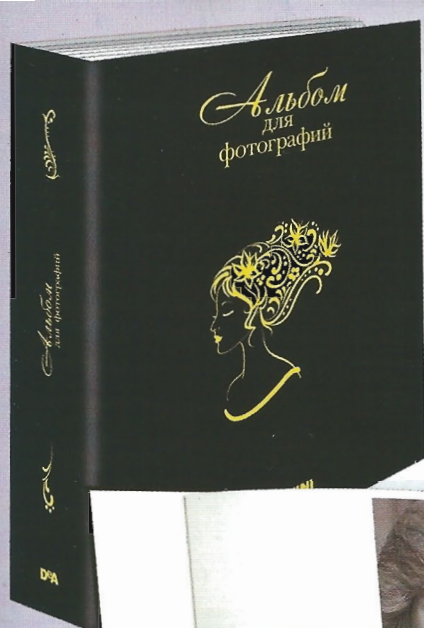
Вы можете заказать альбом для фотографий
в ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЕ
на сайте www.deagostini.ru*

А также
альбом для фотографий
можно заказать по телефону
горячей линии:

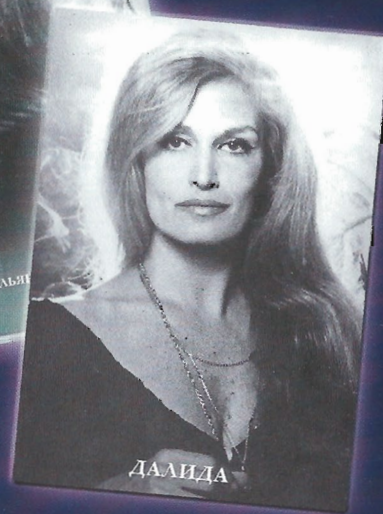
8-495-660-02-02 (для России)

8-495-660-02-02 (для Москвы)

* в указанную стоимость не включена доставка

Не пропустите
следующий
выпуск
в киосках
через неделю!
ДАЛИДА

16+

ISSN 2305-3984

9 772305 398779 00026

DeAGOSTINI